

СУЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА И МАРГИНАЛИЗИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
2026

Настоящая публикация подготовлена и опубликована Евразийской ассоциацией снижения вреда (ЕАСВ), некоммерческой общественной организацией, основанной на членстве, объединяющей и поддерживающей более 300 активистов и организаций в сфере снижения вреда в странах Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии (ЦВЕЦА) с целью обеспечения прав и свобод, охраны здоровья и благополучия людей, употребляющих психоактивные вещества. Дополнительная информация доступна на сайте: <https://harmreductioneurasia.org/>

Публикация подготовлена партнёрами **движения Rise & Decriminalize**, в том числе региональными организациями сообществ ЦВЕЦА: ЕАСВ (Евразийской ассоциацией снижения вреда), ЕКОМ (Евразийской коалицией по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию), ЕЖСС (Евразийской женской сетью по СПИДу) и СВАН (Сетью по защите прав секс-работников). Многолетнее партнёрство и солидарность между этими организациями сделали возможной подготовку данного отчёта.

БЛАГОДАРНОСТИ: ЕАСВ и авторы выражают искреннюю признательность национальным координаторам, осуществлявшим мониторинг нормативно-правовой среды в 10 странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА), за предоставление информации по своим странам (в целях безопасности не все имена и фамилии указаны): **координатору** (Азербайджан); **Анне Эвоян** (Армения); **координатору** (Беларусь); **Марине Чохели** (Грузия); **Валентине Манкиевой** (Казахстан); **Айгерим Шадманали** (Кыргызстан); **Андрею Лунгу** (Молдова); **координатору** (Таджикистан); **Оливеру** (Узбекистан); **Велте Пархоменко** (Украина).

Особая благодарность выражается **Улуку Батыргалиеву и Жыипаризе Жумагазиевой** (ЕКОМ); **Медее Хмелидзе и Любови Воронцовой** (ЕЖСС); **Кристине Махничевой и Трайче Янушеву** (СВАН); а также **Ганне Довбах** (ЕАСВ), благодаря которым отчёт отражает реальные условия жизни лесбиянок, геев, бисексуальных, трансгендерных, квир-, интерсекс-людей и других представителей сексуального и гендерного многообразия (ЛГБТКИ+), людей, живущих с ВИЧ, людей, употребляющих наркотики, и секс-работников*иц.

Мы также выражаем признательность всем, кто принял участие в рецензировании и верификации выводов отчёта, обеспечив его точность, глубину анализа и актуальность. Отдельная благодарность Ганне Довбах, исполнительному директору ЕАСВ, за разработку инструмента мониторинга, использованного национальными координаторами для оценки нормативно-правовой среды в 10 странах ВЕЦА, а также за ключевую роль в формировании отчёта с учётом адвокативных приоритетов и обеспечении безопасности всех участников процесса подготовки публикации.

АВТОР: **Тимур Абдуллаев**, LLM, независимый консультант.

КООРДИНАТОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ: **Мария Скетре**, МА, ЕАСВ.

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА: **Екатерина Волошина**.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ССЫЛКА: ЕАСВ (2026). Сужение гражданского пространства и маргинализированные сообщества в Восточной Европе и Центральной Азии. Евразийская ассоциация снижения вреда, Вильнюс, Литва.

ДИСКЛЕЙМЕР

Настоящая публикация подготовлена и опубликована в рамках:

- Регионального проекта «Устойчивость услуг для ключевых групп населения в Восточной Европе и Центральной Азии (ВЕЦА) – #iSoS: Расширение возможностей и инновации», реализуемого консорциумом организаций под управлением МБФ «Альянс общественного здоровья» при финансовой поддержке Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Мнения, представленные в данной публикации, принадлежат исключительно ее авторам и могут не совпадать с взглядами или позицией Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией.
- Проекта «RESILIENT Communities & Securing Civic Space for HIV Response in EECA» (RESILIENT), реализуемого при финансовой поддержке Фонда Элтона Джона по борьбе со СПИДом. Проект направлен на укрепление устойчивости и усиление адвокации групп и организаций сообществ в регионе ВЕЦА с целью предотвращения и смягчения регуляторных вызовов, угрожающих правам людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ), и ключевых групп населения (КГН) – людей, употребляющих наркотики, ЛГБТКИ+ и секс-работников. Основное внимание уделяется противодействию ограничительным законам (в том числе законам об «иностранных агентах» и о «пропаганде ЛГБТ»), которые приводят к сужению гражданского пространства и препятствуют ответным мерам под руководством сообществ, включая меры в сфере противодействия эпидемии ВИЧ. Проект реализуется ЕАСВ, ЕКОМ, ЕЖСС и СВАН.

Данная публикация доступна на английском и русском языках на сайте

<https://harmreductioneurasia.org/>

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Содержание

Исполнительное резюме	
Ключевые выводы	6
Рекомендации	8

Сокращения и аббревиатуры	10
----------------------------------	-----------

Глоссарий	12
------------------	-----------

Введение	16
Об отчете	18
Методология сбора данных	19

Выводы	
1. Обзор представленных данных и ключевых региональных тенденций	21
2. Адаптация, стратегии преодоления и устойчивость организаций под руководством сообществ	24
2.1. Защитная адаптация и снижение рисков	25
2.2. Проактивная адвокация и взаимодействие с международными механизмами	25
2.3. Мониторинг под руководством сообществ и использование данных для обеспечения подотчётности	26
2.4. Формирование коалиций и солидарность между движениями	26
2.5. Общественная мобилизация и противодействие законодательным инициативам	27
2.6. Стратегические судебные дела и расширение правовых возможностей	28
3. Свобода объединений	28
3.1. Ограничительное законодательство: законы об «иностранных агентах» и аналогичные меры	31
3.2. Регистрация организаций сообщества	32
3.3. Ограничения финансирования и доступ к ресурсам	33
3.4. Проверки, инспекции и давление на организации	34
3.5. Общие тенденции и их последствия	35

4. Свобода мирных собраний	35
4.1. Нормативно-правовая база и административные требования	37
4.2. Безопасность участников и реагирование полиции на насилие и иные инциденты	37
4.3. Целенаправленное вмешательство и неформальное давление	40
4.4. Общие тенденции и их последствия	41
5. Свобода выражения мнений и доступ к информации	42
5.1. Положения о «пропаганде наркотиков» и их влияние на коммуникацию в сфере снижения вреда	43
5.2. «Семейные ценности», защита детей и цензура информации, связанной с ключевыми группами населения	45
5.3. Контроль над независимым образованием, онлайн-контентом и адвокацией	47
5.4. Влияние на меры по противодействию эпидемиям ВИЧ и ТБ и на деятельность организаций сообществ	48
6. Криминализация ключевых групп населения и защита от актов преследования	49
6.1. Правовой и политический контекст	51
6.2. Последствия для деятельности сообществ в сфере ВИЧ/ТБ	58
<hr/>	
Заключения и рекомендации	
Заключение	60
Рекомендации	62
Национальным правительствам	62
Международным и региональным партнёрам, включая доноров	64
Организациям гражданского общества и сообществ	64

Исполнительное резюме

Анализ нормативно-правовой базы, практики правоприменения и задокументированных случаев за 2025 год демонстрирует, что гражданское пространство в странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА) остаётся хрупким, неравномерным и всё в большей степени формируется под воздействием политического и регуляторного давления. Эти процессы непропорционально затрагивают организации гражданского общества, объединяющие и поддерживающие людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ), и ключевые группы населения (геев и других мужчин, имеющих секс с мужчинами, секс-работников, трансгендерных людей, людей, употребляющих инъекционные наркотики, а также людей, находящихся в местах лишения свободы и других закрытых учреждениях). Несмотря на то, что все десять стран ВЕЦА, охваченные исследованием (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина), формально гарантируют основные свободы, их практическая реализация часто подрывается ограничительным законодательством, административными барьерами, выборочным правоприменением и недостаточной защитой маргинализированных сообществ. Эти процессы имеют прямые и ощутимые последствия для устойчивости, охвата и эффективности мер по противодействию ВИЧ и туберкулёзу (ТБ), реализуемых под руководством сообществ.

В отчёте рассматриваются изменения, происходившие в десяти странах ВЕЦА в 2024–2025 годах и затронувшие деятельность организаций сообществ в сфере ВИЧ и ТБ. Анализ основан на структурированных данных, предоставленных национальными координаторами (привлечёнными в рамках проекта RESILIENT), задокументированных примерах конкретных ситуаций и проверенных правовых источниках и сосредоточен на четырёх взаимосвязанных элементах гражданского пространства: свободе объединений; свободе мирных собраний; свободе выражения мнений и доступе к информации; а также криминализации ключевых групп населения и защите от актов преследования за гражданскую деятельность.

Ключевые выводы

Полученные данные указывают на формирование схожей региональной модели ограничения гражданского пространства, проявляющейся через различные правовые, политические и административные механизмы в разных странах.

- **Свобода объединений** всё в большей степени затрагивается законами об «иностранных агентах» или «иностранном влиянии», прежде всего в Грузии, а также в связи с принятием аналогичного законодательства в Кыргызстане, наряду с давно существующими ограни-

чительными практиками в Азербайджане, Беларуси, Таджикистане и Узбекистане. Даже в странах, где формально отсутствуют законы об «иностранных агентах», непрозрачные процедуры регистрации, ограничения, связанные с иностранным финансированием, выборочное применение административных норм и страх преследования продолжают подрывать устойчивость и независимость организаций, работающих с ЛЖВ и ключевыми группами населения.

- **Свобода мирных собраний** формально закреплена в большинстве национальных правовых систем, однако на практике нередко подрывается насилием со стороны частных лиц, неравномерной защитой со стороны правоохранительных органов и отсутствием эффективной подотчётности. Примеры из Армении, Грузии и Украины демонстрируют, как нападения на активистов, особенно связанных с ЛГБТКИ+ сообществами, сдерживают гражданскую активность, усиливают атмосферу страха и способствуют самоцензуре. В ряде стран Центральной Азии мероприятия, связанные с чувствительными темами, зачастую вообще не проводятся из-за предполагаемых рисков, что фактически сводит на нет гражданскую активность даже в отсутствие прямых запретов.
- **Свобода выражения мнений и доступ к информации** всё чаще ограничиваются через сочетание законов о «пропаганде наркотиков», ограничений касательно сексуальной ориентации и гендерной идентичности, вводимых в целях защиты «общественной морали» и «семейных ценностей», а также расширяющегося контроля над независимым образованием и онлайн-активностью. Размытые правовые формулировки создают условия для выборочного и дискриминационного правоприменения, способствуя самоцензуре среди организаций, работающих в сферах снижения вреда, сексуальности, гендерного равенства и прав человека – именно тех областях, которые критически важны для эффективных мер в сфере ВИЧ и ТБ.
- **Криминализация ключевых групп населения и недостаточная защита от преследования за гражданскую активность** остаются устойчивым структурным барьером для здоровья, безопасности и участия по всему региону. В Узбекистане по-прежнему криминализированы добровольные однополые отношения между мужчинами; в отчётный период данная норма также применялась для преследования трансгендерных женщин. Репрессивная наркополитика, включая систему наркологического учета с долгосрочными гражданско-правовыми последствиями в таких странах, как Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, дополнительно сдерживают обращение за медицинскими услугами и услугами по снижению вреда. По всему региону случаи насилия, запугивания и преследования в отношении маргинализированных групп и активистов остаются недостаточно расследованными, что усиливает недоверие к институтам и снижает готовность обращаться за услугами.

Исследование выявило устойчивую модель адаптации и управления рисками со стороны гражданского общества в разных странах. Организации всё чаще корректируют свои стратегии для снижения угроз, в том числе избегая публичных мероприятий, ограничивая онлайн-присутствие, изменяя практики документооборота или сокращая взаимодействие с

государственными органами. Хотя такие меры могут обеспечивать краткосрочное выживание, они одновременно свидетельствуют о сокращении реального гражданского участия и ослаблении программ в сфере ВИЧ и ТБ, реализуемых организациями сообществ, в долгосрочной перспективе.

В то же время организации сообществ по всему региону разработали проактивные стратегии для сохранения адвокации и подотчётности в условиях сужающегося гражданского пространства. К ним относятся расширенный мониторинг нарушений прав и барьеров доступа к услугам; скоординированное взаимодействие с международными механизмами по правам человека; формирование коалиций между движениями ключевых групп населения и правозащитными организациями; стратегические судебные разбирательства; а также, там, где это возможно, публичная мобилизация против репрессивных мер. Эти подходы демонстрируют, что, несмотря на сужение гражданского пространства, сообщества продолжают отстаивать права и доступность услуг по ВИЧ и ТБ посредством адаптивной и основанной на данных адвокации.

Полученные данные свидетельствуют о формировании единой региональной тенденции к ограничению гражданского пространства, которая проявляется в разных странах через различные правовые, политические и административные механизмы. Организации всё чаще корректируют свои стратегии с целью снижения рисков — например, отказываясь от публичных мероприятий, ограничивая присутствие в Интернете, изменяя порядок ведения документации или сокращая взаимодействие с властями. Хотя такие меры могут обеспечить краткосрочное выживание, со временем они также приводят к сокращению значимого гражданского участия и ослабляют инициативы местных сообществ по борьбе с ВИЧ и туберкулезом.

Рекомендации

В ответ на выявленные тенденции в отчёте подчёркивается необходимость скоординированных и устойчивых действий со стороны различных заинтересованных сторон.

- Для **правительств** приоритетными являются укрепление защиты основных свобод, обеспечение правовой определённости и соразмерности регуляторных механизмов, гарантирование безопасности маргинализированных сообществ во время публичных мероприятий, а также устранение карательных правовых и административных барьеров, препятствующих доступу к медицинским услугам. Особый акцент делается на защите независимости организаций гражданского общества и организаций сообществ, работающих с ЛЖВ и ключевыми группами населения, а также на признании их особой уязвимости в условиях ограничительной и конфликтной общественно-политической среды.
- Для **международных и региональных партнёров, включая доноров**, подчёркивается необходимость устойчивой и гибкой поддержки деятельности групп и организаций сообществ, адаптации финансовых механизмов к работе в условиях ограничений и запретов и систематического учета и включения вопросов гражданского пространства в програм-

мы по ВИЧ и ТБ. Для сохранения услуг и адвокации критически важна поддержка правовых реформ, институциональной подотчётности и цифровой безопасности.

- Для **организаций гражданского общества и сообществ** отчёт подчёркивает важность укрепления альянсов между представителями различных движений, усиления документирования нарушений прав, инвестирования в безопасность и цифровую защиту, а также ведения стратегической правовой работы при одновременном сохранении конструктивного взаимодействия с государственными органами с целью сохранения возможности для оказания услуг. Отдельно подчёркивается важность сохранения непрерывности услуг, оказываемых организациями сообществ, в условиях ограничения прямой адвокации, а также переосмысления стратегий по расширению возможностей сообществ для поддержания устойчивости, солидарности и участия в условиях сужающегося гражданского пространства.

В совокупности эти меры необходимы для того, чтобы правовая среда и гражданское пространство способствовали, а не препятствовали реализации эффективных и основанных на правах человека мер по противодействию эпидемиям ВИЧ и ТБ в Восточной Европе и Центральной Азии.

Сокращения и аббревиатуры

ВЕЦА	Восточная Европа и Центральная Азия
ВИЧ	Вирус иммунодефицита человека
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ГФ	Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией
ЕАСВ	Евразийская ассоциация снижения вреда
ЕЖСС	Евразийская женская сеть по СПИДу
ЕКОМ	Евразийская коалиция по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
КГН	Ключевые группы населения
ЛГБТ	Лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендерные люди
ЛГБТКИ+	Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендерные, квир, интерсекс- и другие гендерно-разнообразные люди
ЛЖВ	Люди, живущие с ВИЧ
ЛУИН	Люди, употребляющие инъекционные наркотики
НПО	Неправительственная организация ¹
ОГО	Организация гражданского общества
ОРС	Организация под руководством сообщества (также организация сообщества)

¹ В регионе ВЕЦА в отношении НПО приняты различные официальные обозначения (неправительственная организация; некоммерческая организация; негосударственная некоммерческая организация; общественная организация и т.д.). В данном отчете такие организации обобщенно называются неправительственными.

СВАН	Сеть по защите прав секс-работников*иц
СПИД	Синдром приобретённого иммунодефицита
СР	Секс-работники/цы
ТБ	Туберкулёз
УВКПЧ ООН	Управление Верховного комиссара по правам человека ООН
ЦВЕЦА	Центральная и Восточная Европа и Центральная Азия
ЮНЭЙДС	Объединённая программа ООН по ВИЧ/СПИДу
AM	Армения
AZ	Азербайджан
BE	Беларусь
GE	Грузия
KY	Кыргызстан
KZ	Казахстан
MD	Молдова
TJ	Таджикистан
UA	Украина
UZ	Узбекистан

Глоссарий

Доступ к информации

Право каждого человека искать, получать и распространять информацию, находящуюся в распоряжении государственных органов. Это право является важным элементом свободы выражения мнений и необходимым условием прозрачного управления, подотчётности и участия общества в принятии решений. В соответствии с международным правом прав человека государства несут позитивное обязательство обеспечивать проактивное раскрытие информации, представляющей общественный интерес, а также создавать доступные процедуры для запроса и получения такой информации. Право на доступ к информации может подлежать ограничениям в соответствии с принципами законности, необходимости и соразмерности².

Доступ к правосудию

Возможность для отдельных лиц и групп добиваться справедливого, эффективного и своевременного восстановления нарушенных прав через формальные или неформальные механизмы правосудия, включая случаи нарушений, связанных со здоровьем, дискриминацией или насилием. Доступ к правосудию предполагает наличие компетентных, независимых и беспристрастных институтов, доступных процедур, правовой помощи, а также мер защиты потерпевших и свидетелей³.

Гражданское пространство

Совокупность условий, позволяющих людям и различным группам участвовать в политической, экономической, социальной и культурной жизни общества. По сути, это пространство, в котором действует гражданское общество, позволяя отдельным лицам и группам получать информацию, выражать свои мнения и взаимодействовать с государственными органами и другими организациями и лицами. Здоровое гражданское пространство является важным условием функционирования демократического общества, поскольку позволяет гражданам объединяться, выступать за изменения и участвовать в общественной жизни без страха преследования⁴.

2 ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, ст. 19. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml; United Nations Human Rights Special Procedures. The Right of Access to Information (fact sheet) Geneva; Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR), undated. https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/Factsheet_5.pdf (на английском языке).

3 ООН, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml; ООН, Основные принципы, касающиеся роли юристов, приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа-7 сентября 1990 года, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.

4 Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR). United Nations Guidance Note. Protection and Promotion of Civic Space. Geneva. Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR), September 2020. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/CivicSpace/UN_Guidance_Note.pdf.

Организация гражданского общества (ОГО)

или неправительственная организация (НПО) – это любая некоммерческая добровольная группа граждан, организованная на местном, национальном, региональном или международном уровне. ОГО, как правило, ориентированы на решение конкретных задач и объединяют людей, имеющих общие интересы. Они выполняют широкий спектр социальных и гуманитарных функций, доводят до сведения органов власти проблемы и потребности граждан, осуществляют мониторинг государственной политики и способствуют участию населения в общественно-политической жизни на местном уровне. ОГО также предоставляют аналитическую информацию и экспертные знания, выступают в качестве механизмов раннего предупреждения и содействуют мониторингу и реализации международных соглашений, включая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Цели устойчивого развития. Как правило, такие организации формируются вокруг конкретных тематических направлений, например связанных с основными направлениями деятельности ООН – поддержанием мира и безопасности, защитой прав человека и развитием⁵.

Организация под руководством сообщества (ОРС)⁶

В контексте противодействия ВИЧ организации, группы и сети под руководством сообществ, независимо от того, имеют ли они формальную структуру или действуют неформально, представляют собой объединения, в которых большинство органов управления, руководителей, сотрудников, представителей, членов и волонтеров составляют люди, отражающие и представляющие опыт, взгляды и интересы тех сообществ, которые они представляют, и которые обладают прозрачными механизмами подотчетности перед этими сообществами. Организации, группы и сети под руководством сообществ, участвующие в ответных мерах на эпидемию СПИДа, самостоятельно и независимо определяют свою структуру и направления деятельности и не находятся под влиянием государственной политики, коммерческих интересов или донорских приоритетов. Термин «организации под руководством сообществ» является обобщающим и включает различные типы организаций, например организации ключевых групп населения, женщин или молодежи. При этом важно учитывать, что не все организации, работающие на уровне сообществ, являются организациями под руководством сообществ⁷.

Криминализация

Процесс, посредством которого определённые формы поведения, гендерные идентичности или состояния здоровья признаются преступными. Согласно международным стандартам в области прав человека, криминализация должна соответствовать принципам законности, необходимости и соразмерности и не должна носить дискриминационный характер. Криминализация передачи ВИЧ, поставления в опасность заражения или несообщения о своём

5 United Nations. Civil Society. New York; United Nations, undated. <https://www.un.org/en/civil-society/page/about-us>

6 В данном отчете «организация под руководством сообщества» и «организация сообщества» используются в качестве равнозначных терминов.

7 ЮНЭЙДС, Руководство ЮНЭЙДС по терминологии, 2024 г., https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/2024-terminology-guidelines_ru.pdf.

ВИЧ-положительном статусе, а также поведения, характерного для ключевых групп населения, – такого как употребление наркотиков и хранение наркотиков для личного употребления, секс-работа или однополые отношения – нередко нарушает права на здоровье, неприкосновенность частной жизни и равенство. Она также подрывает эффективность мер по противодействию ВИЧ, поскольку страх уголовного преследования может удерживать людей от прохождения тестирования и получения лечения, а также препятствовать тому, чтобы люди, живущие с ВИЧ или находящиеся в группе риска инфицирования, открыто общались со своими медицинскими работниками, сообщали о своём ВИЧ-статусе или пользовались доступными услугами профилактики и лечения⁸.

Восточная Европа и Центральная Азия (ВЕЦА)

Несмотря на существование различных определений данного региона, в настоящем отчёте используется определение ЮНЭЙДС, включающее следующие страны: Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Северная Македония, Республика Молдова, Черногория, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан⁹.

Закон об «иностранных агентах»

Термин, используемый для обозначения законов, аналогичных Федеральному закону Российской Федерации от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», которые устанавливают ограничения для организаций, получающих иностранное финансирование, а также подобных законодательных актов в других странах, основанных на аналогичном подходе.

Свобода объединений

Право всех лиц и групп создавать объединения, вступать в них и участвовать в их деятельности – включая неправительственные организации, профсоюзы, сети и группы сообществ – без неправомерного вмешательства. Это право также включает возможность искать, получать и использовать ресурсы, в том числе иностранное финансирование, для законных целей¹⁰.

Свобода выражения мнений

Право каждого человека придерживаться своих мнений, а также искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

8 ЮНЭЙДС, Криминализация ВИЧ-инфекции (серия информационных бюллетеней по правам человека), 2024 г., https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/01-hiv-human-rights-factsheet-criminalization_ru.pdf.

9 Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). Countries. Eastern Europe and central Asia. Geneva; UNAIDS, undated. <https://www.unaids.org/en/regionscountries/easterneuropeandcentralasia>.

10 ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, ст. 22, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml; ООН, Право на свободу мирных собраний и право на ассоциацию, Резолюция Совета по правам человека 15/21, 6 октября 2010 г., <https://docs.un.org/A/HRC/RES/15/21>.

Оно включает политическое, художественное и научное выражение мнений и является необходимым условием общественных дискуссий, подотчётности и адвокации сообществ. Ограничения допускаются только в том случае, если они предусмотрены законом, необходимы и соразмерны¹¹.

Свобода мирных собраний

Право отдельных лиц и групп собираться в общественных или частных местах для коллективного выражения своих позиций, включая демонстрации, собрания, акции памяти и другие мирные мероприятия. Государства обязаны содействовать проведению собраний, обеспечивать защиту их участников от насилия и воздерживаться от необоснованных ограничений или чрезмерного применения силы¹².

Ключевые группы населения (КГН)

По определению ЮНЭЙДС, к пяти основным ключевым группам населения, особенно уязвимым к ВИЧ и нередко лишённым достаточного доступа к услугам, относятся геи и другие мужчины, имеющие секс с мужчинами, секс-работники*цы, трансгендерные люди, люди, употребляющие инъекционные наркотики, а также люди, находящиеся в местах лишения свободы и других закрытых учреждениях. Эти группы часто сталкиваются со стигмой и дискриминацией, в том числе в форме законов и подзаконных актов, что ограничивает их доступ к услугам и повышает риск инфицирования ВИЧ. КГН относятся к числу групп, наиболее подверженных воздействию эпидемии ВИЧ. Их участие имеет решающее значение для эффективного противодействия ВИЧ во всех странах – они в наибольшей степени затронуты эпидемией и играют ключевую роль в ответных мерах¹³.

Защита от актов преследования

Обязанность государства обеспечивать защиту отдельных лиц и организаций от ответных действий, запугивания, насилия или правового преследования, происходящих в связи с их участием в общественной жизни, взаимодействием с международными механизмами или осуществлением свобод выражения мнений, объединений и мирных собраний. Эффективная защита включает превентивные меры, проведение расследований и привлечение виновных к ответственности. Защита от актов преследования имеет основополагающее значение для обеспечения гражданского участия и подотчётности¹⁴.

11 ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 19; УВКПЧ ООН, Свобода мнений и их свободное выражение, <https://www.ohchr.org/ru/topic/freedom-expression-and-opinion>.

12 ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 21; УВКПЧ ООН, Замечание общего порядка №37 о праве на мирные собрания (статья 21), <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-37-article-21-right-peaceful>.

13 ЮНЭЙДС, Руководство ЮНЭЙДС по терминологии, 2024 г.

14 УВКПЧ ООН, Примеры передовой практики в области предупреждения репрессий и борьбы с ними, <https://www.ohchr.org/ru/reprisals/good-practices-preventing-and-addressing-reprisals>; ООН, Ежегодный доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека и доклады Управления Верховного комиссара и Генерального секретаря, Резолюция Совета ООН по правам человека 12/2 от 12 октября 2009 г., <https://docs.un.org/A/HRC/RES/12/2>.

Введение

В странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА) организации гражданского общества (ОГО) и организации под руководством сообществ (ОРС) на протяжении длительного времени играют ключевую роль в предоставлении услуг в сфере ВИЧ и туберкулёза (ТБ) людям, живущим с ВИЧ (ЛЖВ), и ключевым группам населения (КГН), включая людей, употребляющих наркотики, секс-работников*иц, сообщества ЛГБТКИ+, мигрантов и людей, находящихся в местах лишения свободы. Деятельность организаций сообществ, – в том числе аутрич-работа по принципу «равный равному», программы снижения вреда, адвокатура, основанная на правах человека, и мониторинг под руководством сообществ, – неоднократно признавались международными органами в области здравоохранения и прав человека как необходимые для обеспечения доступа к услугам для групп населения, которые в недостаточной степени получают помощь со стороны государственной системы здравоохранения¹⁵.

В то же время эта работа всё чаще осуществляется в глобальном контексте сужающегося гражданского пространства. Независимые инициативы по мониторингу, прежде всего CIVICUS Monitor, фиксируют устойчивое сокращение во всём мире свобод объединений, мирных собраний и выражения мнений. По состоянию на 2025 год лишь меньшинство стран мира классифицируются как имеющие «открытое» гражданское пространство, тогда как большинство относятся к категориям «суженное», «ограниченное», «репрессивное» или «закрытое», что означает, что большая часть населения мира живёт в условиях ограниченного гражданского пространства¹⁶.

Эти глобальные тенденции проявляются с особой интенсивностью в Европе, на Кавказе и в Центральной Азии. Оценки CIVICUS для региона Европы и Центральной Азии показывают преимущественно ограниченное гражданское пространство, при этом значительное число стран классифицируется как имеющие суженное, ограниченное, репрессивное или закрытое гражданское пространство. Несколько

Оценки CIVICUS по региону Европы и Центральной Азии свидетельствуют о том, что гражданское пространство в целом находится в ограниченных условиях, причем значительное число стран классифицируется как страны с суженным, затрудненным, подавленным или закрытым гражданским пространством. Примерно с 2019–2020 годов системы мониторинга фиксируют устойчивую тенденцию к ухудшению ситуации во всем регионе, включая введение новых правовых ограничений в отношении гражданского общества, усиление давления на независимые СМИ, а также ужесточение мер реагирования на общественные протесты и правозащитную деятельность.

15 CIVICUS Monitor. People Power Under Attack 2025: Global Findings. Johannesburg; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, 2025. <https://civicusmonitor.contentfiles.net/media/documents/GlobalFindings2025.EN.pdf>

16 CIVICUS Monitor 2025, указ. соч.

стран ВЕЦА относятся к числу стран с наиболее ограниченным гражданским пространством, тогда как в других наблюдается демократический откат после периодов более открытого гражданского пространства¹⁷. Начиная примерно с 2019–2020 годов системы мониторинга фиксируют устойчивую тенденцию ухудшения ситуации в регионе, включая введение новых правовых ограничений для гражданского общества, усиление давления на независимые СМИ и более жёсткие меры в ответ на общественные протесты и адвокационную деятельность¹⁸.

В самом регионе ВЕЦА эти тенденции всё чаще приобретают правовую и регуляторную форму, включая законы об «иностранных агентах» или «иностранном влиянии», излишне строгие требования к регистрации и отчётности НПО, ограничения доступа к иностранному финансированию, размытые положения об охране правопорядка и общественной морали, а также законы, регулирующие распространение информации, связанной с употреблением наркотиков, сексуальностью или гендерной идентичностью. Региональные правозащитные организации также фиксируют случаи выборочного правоприменения, административных проверок и неформального давления как инструментов ограничения деятельности независимого гражданского общества¹⁹.

Параллельно с этими тенденциями, ОГО и ОРС, работающие в области ВИЧ и ТБ, сталкиваются со структурными и финансовыми вызовами. Международное финансирование программ по ВИЧ в странах со средним уровнем дохода на протяжении нескольких лет либо сокращается, либо остаётся на прежнем уровне, поскольку доноры всё чаще пересматривают приоритеты или перекалывают ответственность за финансирование на государства. В то же время, снижение внешнего финансирования не всегда сопровождается сопоставимым ростом внутреннего финансирования, достаточным для восполнения сложившегося дефицита. В ряде стран со средним уровнем дохода ограниченная политическая воля и бюджетные приоритеты препятствуют замещению внешнего финансирования программ, ориентированных на ключевые группы населения, – особенно программ под руководством сообществ в сфере профилактики, снижения вреда, гендерно-ориентированных и правозащитной помощи, а также адвокации²⁰.

17 CIVICUS Monitor 2025, указ. соч.; International Partnership for Human Rights (IPHR). CIVICUS Monitor: The Silencing of Critical Voices Deepens in Central Asia. Brussels; IPHR, 9 December 2025, <https://iphronline.org/articles/civicus-monitor-the-silencing-of-critical-voices-deepens-in-central-asia/>.

18 CIVICUS Monitor 2025, указ. соч.; CIVICUS Monitor. In Numbers. Global Summary: Civic Space Dynamics. Johannesburg, https://monitor.civicus.org/globalfindings_2025/innumbers/; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, 2025, https://monitor.civicus.org/globalfindings_2025/innumbers/; CIVICUS Monitor. Rights Reversed: A Downward Shift in Civic Space (2019-2023). Johannesburg; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, 2024. <https://monitor.civicus.org/rights-reversed-2019-to-2023/>; CIVICUS Monitor. Europe and Central Asia overview. Johannesburg; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, undated. <https://monitor.civicus.org/globalfindings/europeandcentralasia/>; CIVICUS Monitor 2025, Op.cit.; International Partnership for Human Rights (IPHR). CIVICUS Monitor: The Silencing of Critical Voices Deepens in Central Asia. Brussels; IPHR, 9 December 2025. <https://iphronline.org/articles/civicus-monitor-the-silencing-of-critical-voices-deepens-in-central-asia/>.

19 CIVICUS Monitor. Europe and Central Asia Civic Space Findings. Johannesburg; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, 2024. https://monitor.civicus.org/globalfindings_2024/europeandcentralasia/; ЮНЭЙДС, От вызовов — к преобразованиям в ответе на ВИЧ - Всемирный день борьбы со СПИДом 2025, http://www.unaids.org/sites/default/files/2025-11/2025-WAD-report_en.pdf (на английском языке).

20 The Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria. The Global Fund Sustainability, Transition and Co-financing Policy. Geneva; The Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria, 2024. https://www.theglobalfund.org/media/14383/core-sustainability-transition-cofinancing_policy_en.pdf; Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). Progress Update on Sustainability in the HIV Response. Geneva; UNAIDS Programme Coordinating Board, 2025. https://www.unaids.org/sites/default/files/2025-11/PCB57_Sustainability_Update_EN_0.pdf; Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). The path that ends AIDS: Global AIDS Update 2023. Geneva; Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS), 2023. <https://www.unaids.org/en/resources/documents/2023/global-aids-update-2023E>; ЕАСВ, Итоги и планы бюджетной адвокации в странах Восточной Европы, Юго-Восточной Европы и Центральной Азии, 2021 г., <https://old.harmreductioneurasia.org/wp-content/uploads/2022/02/BA-mapping-full-report-RUS.pdf>.

В совокупности эти процессы сформировали непростую среду для организаций под руководством людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ), и ключевых групп населения (КГН), а также работающих с ними. Даже в тех случаях, когда нормативно-правовая база формально признаёт основные свободы, сочетание регуляторной неопределённости, политического давления, социальной стигмы и нестабильности финансирования влияет на способность ОГО и ОРС устойчиво функционировать, открыто заниматься адвокацией и сохранять доверие сообществ, с которыми они работают.

Об отчёте

Данный отчёт является результатом масштабного регионального сбора данных, проведённого в 2025 году и подробно описанного в разделе «Методология сбора данных» ниже. На основе структурированных данных, полученных из десяти стран, в отчёте анализируются гражданское пространство и нормативно-правовая среда, влияющие на меры в сфере ВИЧ и ТБ под руководством сообществ в странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА).

Опираясь на международные стандарты в области прав человека, анализ сосредоточен на четырёх взаимосвязанных сферах, имеющих ключевое значение для функционирования гражданского общества и устойчивости деятельности под руководством сообществ: свободе объединений; свободе мирных собраний; свободе выражения мнений и доступе к информации; а также криминализации ключевых групп населения и защите от актов преследования.

Отчёт предназначен для лиц, принимающих решения, международных и региональных организаций, доноров, механизмов по правам человека, а также организаций гражданского общества и сетей сообществ, работающих в сферах ВИЧ, ТБ, снижения вреда, гендерного равенства и прав человека. Его цель – содействовать содержательному политическому диалогу и научно-обоснованной адвокации посредством рассмотрения изменений, наблюдавшихся в 2024–2025 годах, в чётко задокументированном региональном и глобальном контексте.

В отчёте представлены ключевые региональные тенденции и выводы по четырём измерениям гражданского пространства, подкреплённые сравнительными таблицами и примерами по странам. Далее эти выводы обобщаются в отдельном разделе, после чего предлагаются конкретные практические рекомендации для правительств, международных и региональных партнёров, а также организаций гражданского общества и сообщества.

На протяжении всего отчёта используются сводные таблицы, позволяющие проводить сравнительный анализ между странами. Ответы «ДА», «НЕТ» и «Н/П» отражают информацию, представленную в рамках инструмента мониторинга за соответствующий период, и должны интерпретироваться с учётом контекста, поскольку ответ «ДА» может означать как наличие ограничительной меры, так и наличие механизма защиты, в зависимости от конкретного вопроса. В отдельных случаях приводятся комментарии, поясняющие логику выбора ответа «ДА» или «НЕТ»; цветовая маркировка отражает общие закономерности и тенденции, не является окончательной правовой оценкой и должна рассматриваться вместе с сопровождающим аналитическим текстом.

Предполагается, что аналогичные оценки и отчёты будут готовиться на ежегодной основе, что позволит обеспечить регулярный мониторинг, сопоставимость данных во времени и усиление подотчётности.

Методология сбора данных

Инструмент «Мониторинг гражданского пространства в ВЕЦА» (разработанный в рамках проекта «RESILIENT» для регулярного мониторинга нормативно-правовой среды), который использовался в качестве основного инструмента сбора данных для данного отчёта, основан на международных стандартах в области прав человека, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Декларации ООН о правозащитниках. При его разработке использовались Отчёт о гражданском пространстве Европейского гражданского форума за 2024 год²¹, база данных CIVICUS Monitor²² и инструмент мониторинга гражданского пространства Oxfam²³. Инструмент структурирован вокруг четырёх взаимосвязанных измерений гражданского пространства, которые определяли сбор данных, их верификацию и анализ в странах ВЕЦА:

1 Свобода объединений: нормативно-правовая база, обеспечивающая возможность регистрации и свободной деятельности ОГО; ограничения на создание и участие в организациях; а также барьеры, связанные с доступом к финансированию и финансовой устойчивостью;

2 Свобода мирных собраний: правовые гарантии проведения публичных протестов и демонстраций; применение ограничений, запретов или чрезмерной силы в отношении участников протестов; а также административные или практические препятствия для организации собраний;

3 Свобода выражения мнений и доступ к информации: защита средств массовой информации и журналистов; цензура, слежка и ограничения в отношении выражения мнений в онлайн- и офлайн-среде; а также правовые гарантии защиты от злоупотребления законодательством о клевете и разжигании ненависти с целью ограничения свободы выражения.

4 Криминализация ключевых групп населения и защита от актов преследования: обязанность государства обеспечивать защиту представителей гражданского общества от нападения, словесных оскорблений и судебных исков; а также случаи запугивания, преследования, задержаний или насилия в отношении активистов и реакция на них со стороны государства. Элемент криминализации имеет здесь особое значение, поскольку он препятствует обращению представителей КГН за защитой от актов преследования.

21 Civic Space Watch. Civic Space Report 2024. Paris; European Civic Forum (ECF), 2024. <https://civic-forum.eu/wp-content/uploads/2024/05/CIVIC-SPACE-REPORT-2024-HORIZONTAL-ANALYSIS.pdf>.

22 CIVICUS Monitor. Civic Space Scores. Johannesburg; CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation, 2025. <https://monitor.civicus.org/data/>.

23 Oxfam International. Civic Space Monitoring Tool. Oxford; Oxfam International, 2019. <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/10546/620874/1/gd-civic-space-monitoring-tool-041019-en.pdf>.

Сбор данных осуществлялся в 2025 году в рамках структурированного регионального процесса мониторинга. Национальными координаторами в каждой из десяти стран был заполнен инструмент мониторинга гражданского пространства в ВЕЦА, который был разработан для сбора информации о нормативно-правовой базе, практике правоприменения и задокументированных случаях, затрагивающих организации гражданского общества и сообщества, работающие в сферах ВИЧ, ТБ и ключевых групп населения, за период с 1 января 2024 года по 31 августа 2025 года. Полученные в рамках этого процесса данные в настоящем отчёте обозначаются как «представленные материалы».

В дополнение к основному инструменту национальные координаторы представили описание конкретных случаев, иллюстрирующих отдельные инциденты, связанные с ограничениями, административным давлением, насилием или актами преследования, а также ссылки на соответствующее законодательство, подзаконные акты, судебные решения и другие общедоступные источники. По мере возможности представленные материалы использовались для подтверждения описанных изменений и обоснования проведённого анализа.

Автор также использовал другую общедоступную информацию, включая глобальные, региональные и национальные аналитические отчёты и статистические данные, а также нормативно-правовые акты десяти стран, для дополнения информации, содержащейся в представленных материалах и описаниях случаев.

Охват методологии носит ориентировочный, а не исчерпывающий характер. Хотя инструмент мониторинга гражданского пространства в ВЕЦА охватывает широкий спектр правовых, политических и практических изменений, анализ не ставит целью проведение всестороннего правового обзора по каждой стране. Его задача заключается в выявлении закономерностей, различий и повторяющихся проблем, формирующих условия деятельности организаций сообществ в сфере ВИЧ и ТБ в регионе.

Выводы

1. Обзор представленных данных и ключевых региональных тенденций

Анализ представленных национальными координаторами материалов показывает, что гражданское пространство для организаций гражданского общества и сообществ, работающих в сфере ВИЧ и ключевых групп населения в регионе ВЕЦА, остаётся неоднородным, хрупким и всё в большей степени формируется под воздействием сочетания формальных правовых ограничений и неформальных практик. **Грузия** выделяется среди рассмотренных стран как пример, где давление на гражданское пространство, оказываемое одновременно по нескольким направлениям, быстро трансформировало среду, ранее считавшуюся сравнительно открытой.

КЕЙС 1

Грузия – быстрое сужение гражданского пространства после законодательных изменений 2024–2025 годов

Грузия вошла в отчётный период 2025 года на фоне резкого ухудшения условий деятельности для организаций гражданского общества и сообществ. Длительная политическая поляризация ускоренно трансформировалась в законодательную повестку, расширяющую возможности государства влиять на финансирование гражданского общества, сужающую допустимые границы публичного обсуждения о «морали» и «семейных ценностях» и повышающую риски для организаций, работающих в сфере ВИЧ, снижения вреда и с ключевыми группами населения.

Регулирование «иностранного влияния» и «эффект запугивания» в отношении гражданского общества. В 2024 году в Грузии был принят Закон «О прозрачности иностранного влияния», требующий от некоммерческих организаций и СМИ, получающих более 20% финансирования из иностранных источников, регистрации и соблюдения усиленных требований к отчётности и контролю, с санкциями за несоблюдение. Принятие закона вызвало массовые протесты и серьёзную критику со стороны гражданского общества и международных организаций, включая Венецианскую комиссию Совета Европы и ведущие правозащитные организации, которые указали на его сходство с законами об иностранных агентах и риск стигматизации и ограничения деятельности независимых организаций²⁴.

24

Reuters. Georgia fired 700 civil servants for supporting pro-EU protests, watchdog says. Thomson Reuters, April 15, 2025. <https://www.reuters.com/world/europe/georgia-fired-700-civil-servants-supporting-pro-eu-protests-watchdog-says-2025-04-15/>; Vincent F. Georgian government intensifies the repression of its opponents as protests dwindle. Paris; Le Monde, April 19, 2025. https://www.lemonde.fr/en/international/article/2025/04/19/in-georgia-the-government-intensifies-the-repression-of-its-opponents-as-protests-dwindle_6740401_4.html.

Переход к уголовной ответственности. В феврале 2025 года правящая партия «Грузинская мечта» зарегистрировала проект закона о регистрации иностранных агентов, также известный как FARA (Foreign Agents Registration Act). Согласно представленным материалам по стране, законопроект предусматривает введение уголовной ответственности за несоблюдение требований регистрации и отчётности, а также внесение изменений в Уголовный кодекс, предусматривающих наказание до пяти лет лишения свободы. Хотя на момент подготовки отчёта законопроект ещё не был принят, сам факт его регистрации означает переход от административного контроля к криминализации деятельности гражданского общества и усиливает опасения организаций гражданского общества и сообществ о возможности принятия в их отношении репрессивных мер. Организации, работающие в сфере ВИЧ, снижения вреда и с ключевыми группами населения, рассматривают предлагаемый закон как серьёзный фактор, сдерживающий публичную адвокацию, официальную регистрацию и устойчивое взаимодействие с международными партнёрами.

«Семейные ценности» и защита детей – сужение допустимых границ выражения и видимости. Наряду с законодательными реформами в отношении «иностранного влияния» в 2024 году в Грузии был продвинут и принят широкий пакет мер в сфере «семейных ценностей» и «защиты несовершеннолетних», который, по имеющимся данным, ограничивает публичное обсуждение и позитивное представление ЛГБТКИ+ идентичностей в СМИ и общественной жизни. Этот пакет усилил общественную враждебность и повысил риски безопасности для ЛГБТКИ+ сообществ и организаций, работающих с ними; имеющиеся данные связывают сложившуюся ситуацию с ростом страха насилия и безнаказанности²⁵.

Враждебная среда, риски безопасности и ограничения свобод собраний и выражения. Даже там, где формальные права сохраняются, агрессивная риторика, общественная стигма и непоследовательная защита от насилия сокращают возможности для открытой публичной деятельности. Это особенно важно в контексте работы в сфере ВИЧ и с ключевыми группами населения, где эффективная аутрич-работа и правозащитная коммуникация зависят от видимости, доверия и безопасного взаимодействия в публичных и онлайн-пространствах²⁶.

Ситуация в области финансирования и последствия для текущей деятельности. Поскольку многие ОГО и инициативы сообществ в значительной степени зависят от внешнего финансирования, закон об «иностранном влиянии» увеличивает нагрузку по соблюдению требований и репутационные риски, а также сдерживает работу по чувствительным темам, включая права человека, ВИЧ и ключевые группы населения. В апреле 2025 года в Закон Грузии «О грантах» были внесены изменения, предусматривающие необходимость получения одобрения правительства до получения иностранного гранта. По данным мониторинга граж-

25 Megrelidze S, Litvinova D. Georgia's anti-LGBTQ+ measures raise fears of hate crimes in the conservative South Caucasus nation. Tbilisi; Associated Press, September 26, 2024. <https://apnews.com/article/georgia-crackdown-lgbtq-rights-election-russia-af51de7625d8ed349e858eeb5da1f66b>; Kassam A. Georgian president refuses to sign anti-LGBTQ+ rights bill into law. London; The Guardian, 2 October 2024. <https://www.theguardian.com/world/2024/oct/02/georgian-president-refuses-to-sign-anti-lgbtq-rights-bill-into-law>.

26 Kassam A., там же.

данского общества, это приводит к более осторожной публичной коммуникации, снижению видимости и выбору стратегий управления рисками, которые могут подрывать адвокацию, мобилизацию сообществ и устойчивость правозащитной помощи²⁷.

Почему это важно для данного отчёта. На практике эти изменения носят не только политический характер – они меняют условия осуществления мер по противодействию ВИЧ и ТБ, ограничивая способность организаций под руководством сообществ открыто коммуницировать, публично организовываться, безопасно взаимодействовать с партнёрами и обеспечивать устойчивое финансирование, при этом непропорционально затрагивая инициативы, работающие с ЛГБТКИ+ сообществами, людьми, употребляющими наркотики, секс-работниками*цами и другими маргинализированными группами.

Несмотря на значительные различия правовых и политических условий между странами, прослеживается ряд региональных тенденций.

- **Во-первых**, ситуация с гражданским пространством в регионе существенно различается от страны к стране: условия деятельности гражданского общества заметно отличаются. В одних странах действуют прямо ограничительные законы, включая законодательство об «иностранных агентах» или «иностранном влиянии», жёсткие ограничения финансирования и широкая криминализация, затрагивающая ключевые группы населения. В других странах законодательство остаётся сравнительно менее ограничительным, однако на практике возникают серьёзные препятствия из-за административных процедур, выборочного применения норм и неформального давления. Это показывает, что формального закрепления прав недостаточно для понимания реальных условий работы гражданского общества.
- **Во-вторых**, в большинстве стран наблюдается устойчивый разрыв между законодательно закреплёнными правами и тем, как они реализуются на практике. Даже там, где свободы объединений, собраний и выражения мнений гарантированы законом, организации сталкиваются с трудностями при регистрации, ведении деятельности, получении финансирования, взаимодействии с государственными органами и безопасной работе в публичном пространстве. Эти трудности особенно характерны для организаций людей, живущих с ВИЧ, и ключевых групп населения, а также работающих с этими сообществами, поскольку их деятельность часто воспринимается как чувствительная с политической или социальной точек зрения.

27 Civic Space Watch. Civic Space Report 2025. Paris; European Civic Forum (ECF), 2025. <https://civic-forum.eu/wp-content/uploads/2025/06/Civic-Space-Report-2025-ECF.pdf>; Amnesty International. Georgia: Dark day as parliament bulldozes adoption of repressive “foreign influence” bill. London; Amnesty International, 14 May 2024. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/05/georgia-dark-day-as-parliament-bulldozes-adoption-of-repressive-foreign-influence-bill/>.

- **В-третьих**, ограничения носят накопительный характер и действуют не изолированно, а усиливают друг друга. Гражданское пространство формируется под влиянием сразу нескольких факторов: регулирования деятельности НПО, правил проведения собраний, контроля за публичной активностью, ограничений в сфере информации и выражения мнений, а также криминализации, затрагивающей ключевые группы населения. В совокупности эти факторы побуждают организации снижать свою публичную активность, ограничивать адвокацию, переключаться на менее чувствительные направления работы или полностью отказываться от отдельных видов деятельности.
- **В-четвёртых**, криминализация ключевых групп населения остаётся одним из ключевых факторов, определяющих состояние гражданского пространства в регионе, особенно для организаций и активистов, оказывающих помощь этим группам или представляющих их интересы. Законы и правоприменительная практика в отношении людей, употребляющих наркотики, ЛГБТКИ+ сообществ, секс-работников*иц и людей, живущих с ВИЧ, создают риск задержаний, уголовного преследования и насилия, одновременно ограничивая возможности ОГО и ОРС предоставлять помощь, фиксировать нарушения прав и вести публичную адвокацию. Криминализация также снижает готовность активистов и организаций обращаться за защитой государства в случае нарушений прав или ограничения свобод.
- **Наконец**, во всех странах наблюдается тенденция к адаптации и управлению рисками со стороны гражданского общества. Организации всё чаще меняют свои подходы, чтобы снизить риски – например, избегают публичных мероприятий, сокращают присутствие в интернете, изменяют практики ведения документации или ограничивают взаимодействие с государственными органами. Хотя такие меры могут обеспечивать краткосрочную устойчивость, они одновременно свидетельствуют о сужении возможностей для полноценного гражданского участия и со временем ослабляют деятельность организаций под руководством сообществ в сфере ВИЧ и ТБ.

В последующих разделах эти тенденции рассматриваются более подробно, а также приводится более детальный анализ ситуации в отдельных странах по четырём ключевым измерениям гражданского пространства.

2. Адаптация, стратегии преодоления и устойчивость организаций под руководством сообществ

В странах ВЕЦА организации гражданского общества и организации под руководством сообществ реагируют на сужающееся гражданское пространство не только уходом в тень или самоцензурой. Хотя защитные стратегии управления рисками остаются широко распространёнными, сообщества одновременно вырабатывают проактивные подходы к адвокации, направленные на оспаривание ограничительных политик, обеспечение подотчётности и поддержание основанной на правах человека деятельности в сфере ВИЧ и ТБ.

2.1. Защитная адаптация и снижение рисков

Как показано в различных разделах отчёта, организации всё чаще меняют свои подходы к работе, чтобы снизить правовые, административные и связанные с безопасностью риски. Эти стратегии включают снижение публичной видимости; использование в адвокатской деятельности более нейтральных формулировок, связанных с общественным здравоохранением; переход от открытых собраний к закрытым встречам или онлайн-форматам; корректировку коммуникации по чувствительным темам, таким как употребление наркотиков, сексуальность и гендер; а также смещение приоритетов в сторону оказания помощи вместо правозащитной деятельности.

В ряде стран организации пересматривали свои уставные формулировки, избегали прямых упоминаний ключевых групп населения, сокращали присутствие в социальных сетях и приостанавливали публичную аутич-деятельность после принятия законодательства об «иностранном влиянии», законов о «пропаганде» и расширения административного контроля. Хотя такие меры позволяют сохранять непрерывность оказания базовой помощи в краткосрочной перспективе, они также свидетельствуют о сокращении гражданского участия и ослаблении возможностей для коллективной адвокации.

2.2. Проактивная адвокатура и взаимодействие с международными механизмами

Наряду с защитными стратегиями региональные сети и страновые организации всё активнее используют международные механизмы по правам человека в качестве альтернативных площадок для обеспечения подотчётности в условиях ограничений на национальном уровне. Организации, работающие с ЛГБТКИ+ сообществами, людьми, употребляющими наркотики, секс-работниками*цами и людьми, живущими с ВИЧ, системно документируют нарушения прав и представляют альтернативные доклады в договорные органы ООН, специальные процедуры и в рамках Универсального периодического обзора.

Региональные организации, включая ЕКОМ, ЕАСВ, ЕЖСС и СВАН, поддерживают активистов стран ВЕЦА в сборе доказательств репрессий, насилия и дискриминационных законов, обеспечивая вынесение этих вопросов на международный уровень. Эти материалы способствуют формированию рекомендаций правительствам, направленных на отмену репрессивного законодательства, усиление защиты гражданского общества и преодоление дискриминации в отношении ключевых групп населения.

Наблюдается переход от национальной к транснациональной правозащитной деятельности, в рамках которой сообщества используют глобальную систему защиты прав человека для того, чтобы компенсировать сужение национального гражданского пространства и поддерживать политическое давление на власти.

Такая стратегия отражает более широкий сдвиг в сторону транснациональной адвокации, при которой сообщества используют международные механизмы в области прав человека для компенсации сокращения пространства на национальном уровне и сохранения политического давления на органы власти.

2.3. Мониторинг под руководством сообществ и использование данных для обеспечения подотчётности

Одним из ключевых элементов адаптивной адвокации в регионе ВЕЦА стало расширение мониторинга под руководством сообществ, направленного на выявление нарушений прав, барьеров в доступе к помощи и особенностей правоприменительной практики, затрагивающих ключевые группы населения. Сети людей, живущих с ВИЧ, людей, употребляющих наркотики, ЛГБТКИ+ сообществ и секс-работников*иц системно собирают данные о насилии, дискриминации, административных препятствиях, последствиях криминализации и доступе к услугам здравоохранения.

Эти данные обобщаются в национальные и региональные отчёты мониторинга и используются для диалога с государственными органами, участия в страновых процессах Глобального фонда, взаимодействия с донорами и подачи отчетов в рамках международных механизмов по правам человека. В ряде стран данные, собранные сообществами, напрямую использовались для адвокации реформ наркополитики, пересмотра практик криминализации ВИЧ, устранения пробелов в защите ЛГБТКИ+ сообществ и оценки влияния репрессивных мер на обращаемость за помощью.

Преобразуя жизненный опыт в задокументированные доказательства, организации сообществ усиливают свою легитимность, репутацию и способность вести диалог с государством даже в условиях ограниченного гражданского пространства. Там, где возможности для открытых протестов и публичной кампаний ограничены, мониторинг становится ключевым инструментом обеспечения подотчётности, влияния на политику и защиты прав.

2.4. Формирование коалиций и солидарность между движениями

В ответ на пересекающиеся ограничения, затрагивающие различные маргинализированные группы, организации всё чаще выстраивают сотрудничество между различными движениями. Сети, объединяющие организации в сфере снижения вреда, ЛГБТКИ+ организации, движения за права женщин, объединения секс-работников*иц и правозащитные организации, усиливают обмен информацией, координацию адвокации и взаимную поддержку.

Такие коалиции позволяют объединять ресурсы, координировать меры реагирования на законодательные ограничения и продолжать адвокатию даже в условиях повышенных рисков для отдельных групп. В ряде стран представители сообществ отмечали, что коллективные действия – включая совместные заявления, мониторинг и подготовку отчетов для

международных организаций и механизмов – обеспечивают большую устойчивость по сравнению с изолированными усилиями отдельных организаций.

В Украине предпринимались неоднократные попытки законодательных реформ по введению уголовной или административной ответственности за так называемую «пропаганду наркотиков». На эти инициативы последовал скоординированный ответ со стороны организаций, работающих в сфере снижения вреда, ВИЧ, прав человека и свободы средств массовой информации. Сформировавшаяся неформальная коалиция сетей сообществ, общественных организаций в области здравоохранения и права – в том числе организаций-партнеров ЕАСВ и ЕКОМ, – совместно анализировала законопроекты, готовила юридические заключения, взаимодействовала с парламентскими комитетами и информировала международных партнёров о рисках. Это взаимодействие способствовало отклонению или приостановке ряда законопроектов в 2020-2023 годах и помогло перенести публичную дискуссию из плоскости морали в плоскость общественного здравоохранения, соразмерности и соблюдения прав человека. Важно, что сотрудничество между организациями в сфере наркополитики, ЛГБТКИ+ и ВИЧ усилило их политическую легитимность и снизило риск целенаправленного давления на отдельные группы, продемонстрировав защитную и стратегическую роль коалиционной адвокации даже в условиях усиления нормативно-правового давления.

Сети, объединяющие группы по снижению вреда, ЛГБТКИ+-организации, защитников прав женщин, объединения секс-работников*иц и правозащитников, укрепили механизмы обмена информацией, совместной адвокации и взаимной защиты.

Такое сотрудничество усиливает политическую легитимность и снижает риск того, что отдельные группы станут мишенью для репрессий, демонстрируя защитную и стратегическую ценность коалиционной адвокации даже в условиях усиливающегося регуляторного давления.

2.5. Общественная мобилизация и противодействие законодательным инициативам

Хотя в ряде стран Центральной Азии и в Беларуси проведение публичных протестов связано с высокими рисками или фактически невозможно, примеры широкомасштабной мобилизации общественности показывают, что сообщества продолжают оспаривать ограничительные меры там, где это возможно.

В Грузии массовые протесты 2024-2025 годов против законодательства об «иностранном влиянии» и ограничений, связанных с «семейными ценностями», продемонстрировали устойчивое сопротивление со стороны гражданского общества, правозащитников и сообществ. Несмотря на политическое давление и ужесточение нормативно-правового регулирования, эти протесты показывают, что сужение гражданского пространства не только не свело на нет противодействие со стороны общественности, но и ожесточило борьбу за демократические свободы и независимость гражданского общества.

2.6. Стратегические судебные дела и расширение правовых возможностей

Там, где это позволяет ситуация, организации инициируют стратегические судебные дела для оспаривания дискриминационных норм, административных барьеров и репрессивных практик правоприменения, в том числе путем обращения в конституционные суды, инициирования дел, направленных на формирование судебной практики, и использование международных механизмов защиты прав человека.

Поддержка со стороны международных партнёров и сетей правовой помощи позволяет группам сообществ документировать нарушения, формировать правоприменительную практику и оспаривать чрезмерно широкое толкование норм о «пропаганде», общественной морали и «иностранным влиянии». Хотя масштабы и результаты таких дел в регионе различаются, этот инструмент остаётся важным для защиты гражданского пространства и формирования правовых прецедентов.

В Грузии коалиция, включающая 16 медиаорганизаций, около 120 организаций гражданского общества и ряд частных лиц, подала совместное обращение в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), утверждая, что Закон «О прозрачности иностранного влияния» нарушает основные права, гарантированные Европейской конвенцией о правах человека, включая свободу выражения мнений, свободу объединений, право на неприкосновенность частной жизни и защиту от дискриминации. Эта инициатива представляет собой важную попытку гражданского общества использовать международные правовые механизмы для оспаривания внутренних ограничений гражданского пространства. Обращению в ЕСПЧ предшествовало разбирательство в Конституционном суде Грузии, где НПО ходатайствовали о приостановлении действия закона, но получили отказ. Таким образом, организации региона ВЕЦА всё чаще используют стратегические судебные дела и международные механизмы по правам человека для противодействия ограничительной правовой среде.

3. Свобода объединений

Свобода объединений остаётся под давлением в ряде стран региона: государства принимают и применяют законы, усиливающие контроль над ОГО и ограничивающие их доступ к финансированию. Хотя во всех десяти странах это право формально закреплено в конституциях, реальные условия деятельности организаций гражданского общества и сообществ существенно различаются. **В Кыргызстане и Грузии** в отчётный период было принято законодательство по модели «иностраннных агентов». В ряде других стран, включая **Азербайджан, Беларусь, Таджикистан и Узбекистан**, представленные материалы описывают ограничительное регулирование регистрации, отчётности и финансирования ОГО, которое на практике также сдерживает независимость организаций, несмотря на отсутствие законов об иностранных агентах.

В таблице ниже приведён сравнительный обзор отдельных показателей, связанных со свободой объединений, в рамках инструмента мониторинга гражданского пространства в ВЕЦА, с обобщением того, как в рассматриваемых странах проявляются ограничительное законодательство, практика регистрации, условия финансирования и административное давление. Таблица даёт общее представление и не является исчерпывающей оценкой: цветовая маркировка отражает общие тенденции, но не охватывает всего многообразия контекстуальных особенностей. В зависимости от конкретного вопроса, ответы «ДА» могут указывать как на наличие благоприятных условий, так и на наличие ограничений. Последующий анализ рассматривает эти закономерности более подробно и даёт более детальное представление о том, как свобода объединений реализуется на практике в регионе.

ТАБЛИЦА 1: Сравнительный обзор показателей, связанных со свободой объединений

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
1 Принят ли в вашей стране закон об «иностранных агентах»?	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
2 Приняты ли другие законы, ограничивающие регистрацию, деятельность и/или финансирование ОГО?	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА
3 Могут ли организации под руководством сообществ (ЛЖВ, ЛУН, LGBTQI+, СР), зарегистрироваться и вести деятельность (например, открыть счет в банке) в вашей стране? <i>Если хотя бы одной группе сообщества было отказано в регистрации или она столкнулась с невозможностью продолжения деятельности, указывается ответ «НЕТ».</i> <i>Ответ «ДА» может означать либо то, что все заявления о регистрации групп сообществ были удовлетворены и ОРС не сталкивались с бюрократическими препятствиями для продолжения деятельности, либо то, что заявления на регистрацию ОРС не подавались / зарегистрированные ОРС в стране отсутствуют.</i>	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	ДА	НЕТ
4 Были ли случаи закрытия ОГО и организаций под руководством сообществ, работающих в сфере ВИЧ/КГ, и/или ареста активистов из числа КГ в связи с принятием закона об иностранных агентах или других законов, ограничивающих регистрацию, деятельность и/или финансирование ОГО?	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
<i>Если сообщалось о закрытии хотя бы одной организации или аресте одного активиста, указывается ответ «ДА».</i>	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ
<p>5 Были ли случаи, когда ОГО и организации под руководством сообществ, работающие в сфере ВИЧ/КГ, подвергались неоправданно частым (по закону) фискальным или любым другим аудитам и государственным проверкам?</p> <p><i>Если хотя бы одна ОГО или ОРС было подвергнуто избыточным проверкам или контролю со стороны государственных органов, указывается ответ «ДА».</i></p>	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	Н/Д	ДА	НЕТ
<p>6 Подвергались ли ОГО и организации под руководством сообществ, работающие в сфере ВИЧ/КГ, рейдам со стороны правоохранительных органов или других официальных органов в 2024- 2025 годах?</p> <p><i>Если хотя бы одна ОГО или ОРС подверглось обыску со стороны правоохранительных органов, указывается ответ «ДА».</i></p>	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
<p>7 Сталкивались ли с препятствиями ОГО и ОРС, работающие в сфере ВИЧ/КГ, в получении внутреннего финансирования (государственного, муниципального, краудфандинга внутри страны) в 2024-2025 годах?</p> <p><i>Если хотя бы одна ОГО или ОРС столкнулась с препятствиями в доступе к внутреннему финансированию, указывается ответ «ДА».</i></p>	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ
<p>8 Сталкивались ли с препятствиями ОГО и ОРС, работающие в сфере ВИЧ/КГ, в получении иностранного финансирования в 2024-2025 годах?</p> <p><i>Если хотя бы одна ОГО или ОРС столкнулась с препятствиями в доступе к иностранному финансированию, указывается ответ «ДА».</i></p>	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	ДА

3.1. Ограничительное законодательство:

законы об «иностранных агентах» и аналогичные меры

В апреле 2024 года в Кыргызстане были приняты поправки к Закону «О некоммерческих организациях»²⁸, вводящие статус «иностранного представителя» для НПО, получающих иностранное финансирование и осуществляющих деятельность, подпадающую под широкое определение политической деятельности. Закон, подписанный президентом 2 апреля 2024 года и вступивший в силу 15 апреля, требует регистрации таких организаций в специальном реестре, представления ежегодной финансовой отчётности и допускает проведение проверок со стороны Министерства юстиции.

Хотя закон подаётся как мера обеспечения прозрачности, он во многом воспроизводит российскую модель «иностранных агентов», чем вызывает серьёзную обеспокоенность среди правозащитников, журналистов и организаций, оказывающих услуги. Согласно представленным материалам, к середине 2025 года в реестр было включено не менее пяти организаций, тогда как многие другие сообщили о приостановке или переносе публичной адвокационной деятельности, чтобы избежать возможного присвоения этого статуса. Для ОРС, работающих в сфере ВИЧ, снижения вреда или с ЛГБТКИ+ сообществами, этот закон создаёт неопределённость в отношении допустимых форм адвокации и усиливает риск стигматизации.

В Грузии в мае 2024 года несмотря на президентское вето, несколько недель массовых протестов и жёсткую критику со стороны международных партнёров был принят Закон «О прозрачности иностранного влияния». После вступления Закона в силу в августе 2024 года, все некоммерческие юридические лица и средства массовой информации, получающие более 20 процентов своего годового финансирования из-за рубежа, обязаны регистрироваться в качестве «организации под иностранным влиянием». Несоблюдение требований может повлечь административные санкции и значительные штрафы. Помимо Закона о прозрачности иностранного влияния, в феврале 2025 года был зарегистрирован законопроект «О регистрации иностранных агентов» (Foreign Agents Registration Act или FARA); предусматривает введение уголовной ответственности, включая лишение свободы, за несоблюдение требований, что указывает на возможное дальнейшее усиление государственного контроля над гражданским обществом.

Хотя грузинские власти представляют эту меру как реформу, направленную на обеспечение прозрачности, национальные и международные наблюдатели, включая Венецианскую комиссию²⁹ и «Transparency International Georgia»³⁰, пришли к выводу, что её содержание,

28 Закон Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» №111 от 15 октября 1999 года, <https://cbd.minjust.gov.kg/274/edition/6030/ru>.

29 Georgia Today. Venice Commission calls for repeal of Georgian "Foreign Agents" Law, warns of threats to democracy. Tbilisi; Georgia Today, October 16, 2025. <https://georgiatoday.ge/venice-commission-calls-for-repeal-of-georgian-foreign-agents-law-warns-of-threats-to-democracy>.

30 Transparency International. Georgia: Approval of 'Foreign Agents Law' threatens democratic progress and EU integration. Berlin; Transparency International, 15 May 2024. <https://www.transparency.org/en/press/georgia-approval-of-foreign-agents-law-threatens-democratic-progress-and-eu-integration>.

обоснование и риторика воспроизводят ключевые элементы законодательства об «иностран- ных агентах». ОГО сообщают, что закон уже оказывает сдерживающее воздействие, ограни- чивая публичную адвокацию, снижая взаимодействие с государственными органами и сокра- щая участие в обсуждении политики, включая вопросы, связанные с ВИЧ и ТБ.

Согласно информации национального координатора, организации, оказывающие ме- дицинские услуги под руководством сообществ, пересматривают свои коммуникационные и финансовые подходы, чтобы снизить риск присвоения им ярлыка «иностранного влияния».

3.2. Регистрация организаций сообщества

Возможность ОРС получать и сохранять регистрацию, а также поддерживать дей- ствующий правовой статус, остаётся неоднородной по региону. В ряде рассматриваемых стран наблюдается ситуация, при которой регистрация организаций сообществ формально допускается национальным законодательством, но на практике ограничивается дополни- тельными административными требованиями и широким усмотрением со стороны органов власти. Хотя процедуры регистрации обычно предусматривают исчерпывающий перечень формальных критериев, представленные материалы показывают, что организации, работаю- щие с ключевыми группами населения, особенно ЛГБТКИ+ сообществами и людьми, употре- бляющими наркотики, сталкиваются с повышенным вниманием к формулировкам уставов, целям деятельности и программам. В результате регистрация формально существует, но её получение не всегда возможно на практике, а ее наличие не всегда может служить надёжной основой для работы.

В Кыргызстане в отношении некоммерческих организаций предусмотрена обяза- тельная проверка уставных документов; для коммерческих организаций такого требования нет. При этом не только получение регистрации организациями сообществ, но и ее сохране- ние становится всё более затруднительным. Организации, работающие с ключевыми груп- пами населения, особенно с ЛГБТКИ+ сообществами, отмечают, что прямые упоминания идентичности в уставных документах создают риски при перерегистрации или прохождении проверок. В результате за последние один-два года многие организации поменяли формули- ровки своих уставных целей на более общие или сократили публичную деятельность, чтобы избежать повышенного внимания.

В Беларуси сохраняется особенно ограничительная среда. В предыдущие годы мно- гие организации прекратили своё существование, а регистрация новых организаций широко воспринимается как небезопасная или практически невозможная. Отмечается, что с наи- большими барьерами сталкиваются ЛГБТКИ+ организации и организации, предоставляющие услуги ключевым группам населения; заявителей иногда отговаривают от регистрации из-за угрозы последующих проверок, штрафов или ликвидации.

В Грузии регистрация организаций сообществ формально доступна. Однако пред- ставленные материалы свидетельствуют о том, что после принятия Закона «О прозрачности

иностранным влиянием» поддержание стабильной деятельности стало менее предсказуемым. Организации, получающие иностранное финансирование, сообщают о повышенной осторожности при соблюдении требований и в публичной коммуникации, особенно если их деятельность связана с ключевыми группами населения. В результате, хотя организации пока не прибегают к ликвидации, они более сдержанно планируют свою деятельность и сокращают публичную активность.

В ряде стран не отмечается прямых правовых запретов на регистрацию ОРС, однако сообщается о неформальных и косвенных барьерах. **В Казахстане** организации сообществ могут быть зарегистрированы в соответствии с законодательством, однако, согласно представленным материалам, возникают сложности с обеспечением эффективной деятельности, в частности в доступе к банковским услугам и соблюдении административных требований. Организации, работающие с людьми, употребляющими наркотики, и ЛГБТКИ+ сообществами, сообщают о трудностях при открытии и ведении банковских счетов и прохождении процедур согласования, что подрывает устойчивость их работы даже несмотря на наличие официальной регистрации. **В Узбекистане** представленные материалы не указывают на формальные барьеры для регистрации, однако подчёркивают сложности с поддержанием активной деятельности со временем. ОРС сообщают, что нагрузка, связанная с соблюдением административных требований, и повышенное внимание властей к программной деятельности приводят к большей осторожности, самоцензуре и смещению приоритетов в сторону оказания услуг, а не адвокации прав человека.

3.3. Ограничения финансирования и доступ к ресурсам

Страны региона редко запрещают доступ к финансированию для ОГО и ОРС, но часто ограничивают его через административные требования, необходимость получения разрешений и неформальное давление, что непропорционально затрагивает организации, работающие с ключевыми группами населения.

Наиболее жёсткие ограничения на финансирование, особенно иностранное, отмечаются в Беларуси, где организации на протяжении длительного времени сталкиваются с системными ограничениями на получение международных грантов.

В ряде стран, включая **Азербайджан, Казахстан и Таджикистан**, отмечается, что доступ к иностранному финансированию формально разрешён, однако на практике он осложняется административными требованиями, неформальным давлением и непредсказуемостью решений о согласовании. **В Узбекистане** такие ограничения проявляются прежде всего в сложных процедурах регистрации грантов и необходимости получения разрешений от государственных органов.

В Грузии иностранное финансирование остаётся формально доступным, однако принятие Закона «О прозрачности иностранного влияния» увеличило репутационные и административные риски для организаций, получающих внешнюю поддержку. ОГО и ОРС,

работающие с ключевыми группами населения, сообщают о повышенной осторожности в использовании иностранного финансирования, включая более сдержанную публичную коммуникацию, корректировку программ и снижение видимости адвокационной деятельности.

Краудфандинг и привлечение финансирования внутри страны остаются ограниченными в большинстве рассматриваемых стран. Данные по странам показывают, что это связано с сочетанием ограниченного доступа к государственным механизмам финансирования, общественной стигмы в отношении ключевых групп населения, а также неопределённости в регулировании и административных требованиях к деятельности по сбору средств внутри страны, что в совокупности снижают мотивацию к проведению публичных и крупномасштабных фандрейзинговых мероприятий. В результате организации, работающие с ключевыми группами населения, в значительной степени зависят от внешних доноров, что повышает их уязвимость к изменениям отношения властей к иностранному финансированию.

3.4. Проверки, инспекции и давление на организации

Хотя не во всех странах сообщалось о документально подтверждённых случаях проверок в период оценки, информация из ряда стран показывает, что само восприятие риска административных проверок продолжает влиять на деятельность организаций, особенно работающих с ключевыми группами населения.

В Беларуси организации, ранее подвергавшиеся проверкам или обыскам, продолжают работать в условиях неопределённости, при этом угроза административных проверок остаётся постоянной. **В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане** государственные органы сохраняют широкие полномочия для проведения внеплановых проверок, что организации воспринимают как фактор, сдерживающий работу с ключевыми группами населения.

В период оценки не было зафиксировано случаев закрытия организаций, работающих с ключевыми группами населения, непосредственно в результате применения законодательства об «иностранцах агентах» или аналогичных мер. Вместе с тем сообщается, что в ряде стран организации сократили масштабы деятельности, перешли к менее заметным формам работы или начали избегать открытого взаимодействия с сообществами КГН. Например, **в Беларуси** в предыдущие периоды большинство независимых НПО и ОРС были ликвидированы и либо полностью прекратили свою работу, либо продолжили функционировать в неформальном поле, а оставшиеся организации избегают публичности. **В Кыргызстане** после принятия Закона «Об «иностранцах представителях» ряд ОГО сократили адвокационную деятельность, приостановили информационные кампании или перешли к нейтральной риторике в сфере общественного здравоохранения. **В Грузии** организации, получающие иностранное финансирование, стали более осторожными в публичной адвокации и снижали свою видимость после принятия закона 2024 года. **В Узбекистане** ОРС сообщают о самоцензуре по политически, социально или культурно чувствительным темам и смещении приоритетов от адвокации к оказанию услуг.

3.5. Общие тенденции и их последствия

В целом по региону наблюдается постепенное сужение пространства, в котором могут действовать ОГО и ОРС. Ограничительное законодательство, обременительные административные требования и сохраняющаяся неопределённость в совокупности формируют нестабильную среду для их работы.

Для организаций, работающих с ключевыми группами населения, это имеет конкретные последствия. Адвокационная деятельность становится более рискованной, взаимодействие с государственными органами требует большей осторожности, а административная нагрузка возрастает. В ряде случаев организации ограничивают публичную коммуникацию, сокращают участие в коалициях или избегают прямого использования правозащитной риторики, чтобы не привлекать негативного внимания.

Растущий страх избирательных проверок в отношении отдельных категорий организаций и административного давления также влияет на оказание услуг. Организации снижают видимость аутрич-деятельности, уменьшают интенсивность взаимодействия с сообществами или не решаются расширять услуги в сферах, воспринимаемых как чувствительные. Это снижает способность инициатив под руководством сообществ последовательно охватывать ключевые группы населения и подрывает достигнутые результаты в области профилактики, лечения и связи с услугами в сфере ВИЧ и ТБ.

4. Свобода мирных собраний

Во всех десяти рассматриваемых странах право на мирные собрания формально закреплено в законодательстве, однако его практическая реализация остаётся неоднородной и в ряде юрисдикций становится всё более ограниченной. Анализ указывает на регион, характеризующийся неодинаковой степенью допустимости публичных собраний, разным уровнем вовлечённости полиции и непоследовательной защитой маргинализированных групп. Хотя во многих странах публичные собрания не запрещены напрямую, пространство для несогласованных, затрагивающих чувствительные политические или общественные темы или связанных с правами человека мероприятий часто остаётся крайне ограниченным, и активисты нередко сообщают о чувстве небезопасности или недостаточной защищённости.

Следует отметить, что масштабы публичных протестов или уличных акций, организуемых ключевыми группами населения, в значительной части региона изначально ограничены. Высокий уровень стигмы, криминализации и риска насилия означает, что открытая уличная адвокатура со стороны организаций ЛГБТКИ+ сообществ, людей, употребляющих наркотики, или секс-работников*иц, а также организаций гражданского общества, работающих с этими группами населения, в большинстве рассматриваемых стран практически не осуществляется независимо от формальных правовых гарантий. Лишь в небольшом числе стран в последние годы проводились публичные марши или собрания, связанные с гендерным равенством или

правами ЛГБТКИ+. Этот контекст имеет ключевое значение для интерпретации данных о мирных собраниях и связанных с ними рисков публичной видимости и коллективных действий.

В таблице ниже приведён сравнительный обзор того, как эти условия проявляются по ключевым показателям, связанным со свободой мирных собраний.

ТАБЛИЦА 2: Сравнительный обзор показателей, связанных со свободой мирных собраний

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
1 После принятия закона об «иностранных агентах» или других законов, ограничивающих регистрацию, деятельность и/или финансирование ОГО, стало ли сотрудничество с государственными учреждениями небезопасным? Например, запросы дополнительных, персональных данных; предоставление подробностей события может привести к вмешательству государственных чиновников; предоставленные данные могут оказаться в правоохранительных органах.	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА
2 Были ли какие-либо признаки или свидетельства того, что в 2024-2025 годах за собраниями , организованными ОГО и ОРС, работающими в сфере ВИЧ/КГ, наблюдали, записывали и/или на них присутствовали государственные чиновники без согласия организаторов?	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА
3 Проводились ли в 2024-2025 годах какие-либо крупные протесты / демонстрации / общественные собрания по вопросам, связанным с правами человека, услугами или образом жизни / существования ЛЖВ, ЛУН, ЛГБТКИ+, СР? Акции солидарности, например, 1 декабря, сюда не входят.	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ

4.1. Нормативно-правовая база и административные требования

В большинстве стран организаторы обязаны уведомлять органы власти о проведении собраний, как правило, за определённое количество дней. Хотя формально государства декларируют уведомительный порядок проведения собраний, в ряде стран, включая **Казахстан, Таджикистан и Узбекистан**, в действительности порядок является разрешительным, причем властям предоставлены широкие возможности для отказа, ограничения или изменения места проведения мероприятий. В таких условиях мероприятия, не затрагивающие политически, социально или культурно чувствительных тем, могут проводиться, тогда как собрания, посвящённые правам человека, равенству ЛГБТКИ+ или вопросам управления, подвергаются более строгому контролю.

В Беларуси изменения законодательства, принятые в предыдущие годы, продолжают оказывать значительное влияние. Власти сохраняют полный контроль над допустимыми местами проведения собраний, применяют жёсткие требования к порядку уведомления об их проведении и устанавливают административную ответственность за организацию несанкционированных мероприятий. Как следует из представленных материалов, на практике публичные собрания, особенно с участием уязвимых или маргинализированных групп, остаются крайне ограниченными.

При этом **Армения, Грузия, Молдова и Украина** придерживаются сравнительно более либеральных подходов к регулированию собраний. Тем не менее, во всех четырёх странах зафиксированы случаи, когда маргинализированные сообщества, особенно ЛГБТКИ+ люди, сталкивались с враждебностью или насилием при попытке реализовать это право. Даже при сравнительно либеральном законодательстве фактическая безопасность участников часто зависит от готовности и способности полиции предотвращать нападения или реагировать на них.

4.2. Безопасность участников и реагирование полиции на насилие и иные инциденты

Информация из стран последовательно указывает на сохраняющийся разрыв между положениями закона и реальной безопасностью, особенно для ЛГБТКИ+ людей и организаций, что проявляется в неравномерной защите со стороны полиции и ограниченной подотчётности за насилие во время публичных мероприятий.

В то время как проведение собраний в Армении в целом допускается, публичные мероприятия с участием ЛГБТКИ+ сообществ сопряжены с повышенным риском насилия. Нападение в ходе акции памяти, описанное в кейсе 2 ниже, демонстрирует сохраняющиеся проблемы с обеспечением эффективной защиты со стороны полиции даже в тех случаях, когда уголовное дело возбуждено.

КЕЙС 2

Армения – Насильственное вмешательство во время акции, посвященной памяти трансгендерной женщины (2023 г.)

В августе 2023 года активисты сообществ и организации гражданского общества в Ереване организовали в парке имени Комитаса акцию, посвященную памяти Адрианы, трансгендерной женщины, убитой накануне. Мероприятие было организовано НПО «Right Side Human Rights Defender» и собрало представителей ЛГБТКИ+ сообщества и их союзников. Во время мероприятия четыре человека напали на участников, бросая бутылки с песком и яйца, выкрикивая угрозы и оскорбления на почве ненависти. Несколько участников получили травмы до вмешательства полиции.

Хотя власти возбудили уголовное дело по части 2 статьи 195 Уголовного кодекса (физическое воздействие по мотивам ненависти или нетерпимости), следствие тянулось несколько месяцев, а ключевые пострадавшие, включая трансгендерную активистку Лилит Мартиросян, были официально признаны потерпевшими лишь в апреле 2024 года. Активисты отмечали, что затянутая и неэффективная реакция лишь усилила ощущение избирательной защиты и предвзятости системы в отношении ЛГБТКИ+ сообществ.

ОГО, включая «Right Side Human Rights Defender» и партнёрские организации, охарактеризовали этот случай как пример общего подхода запугивания и насилия в отношении сексуальных и гендерных меньшинств. После нападения уровень страха в сообществе возрос, а участие в публичных мероприятиях снизилось, что демонстрирует сдерживающее воздействие на свободу мирных собраний и адвокацию.

Этот случай показывает, как насилие со стороны лиц, не связанных с государственными органами, по мотивам ненависти в сочетании с недостаточной и запоздалой защитой со стороны государства подрывает свободу мирных собраний даже при наличии формальных гарантий.

В представленных материалах по **Грузии** упоминается убийство трансгендерной женщины и последующие публичные акции памяти, при этом отмечаются опасения относительно условий безопасности для трансгендерных сообществ и активистов. Инцидент вызвал широкое осуждение со стороны гражданского общества, однако официальная реакция была сдержанной, что усилило обеспокоенность по поводу безнаказанности и недостаточной защиты со стороны государства. Активисты сообщают, что этот случай усилил чувство страха в сообществе, а многие организации временно сократили публичную активность и коммуникацию, несмотря на сравнительно более плюралистичную среду гражданского пространства в Грузии.

Аналогично Армении, случай насилия в отношении ЛГБТКИ+ активистов был задокументирован в **Украине** во время публичного мероприятия в Киеве (см. кейс 5 в разделе

«Защита от актов преследования» ниже). Несмотря на вмешательство полиции, последующее расследование, по имеющейся информации, было ограниченным, и виновные не были привлечены к ответственности. Несмотря на то, что такие случаи носят единичный характер и в целом гражданское пространство в Украине остаётся сравнительно открытым, они способствуют формированию осторожности среди активистов, работающих над чувствительными общественно-политическими темами.

Принятие в **Кыргызстане** в 2023 году закона о защите детей от вредной информации³¹ создало дополнительные сложности в отношении публичных мероприятий, связанных с ЛГБТКИ+ тематикой. Согласно информации из страны, помимо официальных ограничений в отношении подобных мероприятий, организаторов могут отговаривать от проведения подобных мероприятий, а в случае их проведения существует высокий риск вмешательства и государственных органов, и частных лиц.

Представленные материалы из стран Центральной Азии, включая **Казахстан, Таджикистан и Узбекистан**, не содержат сведений о конкретных случаях насилия во время собраний в отчётный период. Однако подчёркивается, что публичные мероприятия, связанные с правами человека или ключевыми группами населения, как правило, не проводятся из-за опасений негативного внимания со стороны властей, возможных внеплановых проверок и общей атмосферы враждебности в обществе. В **Узбекистане** нападение на блогера и активиста Миразиза Базарова в 2021 году (см. кейс 3 ниже) продолжает служить предостережением о том, к чему может привести публичная видимость по вопросам ЛГБТКИ+. В результате многие организации в Центральной Азии отдают предпочтение закрытым встречам, внутренним семинарам или онлайн-форматам вместо публичных собраний.

КЕЙС 3

Узбекистан – Дело Миразиза Базарова (2021-2022 г.г.)

В марте 2021 года блогер и правозащитник Миразиз Базаров был жестоко избит неизвестными лицами возле своего дома в Ташкенте после публичных призывов к декриминализации однополых отношений в Узбекистане. Он получил серьёзные травмы, включая перелом ноги и травму головы, и был госпитализирован. Вместо обеспечения ответственности нападавших, власти впоследствии возбудили уголовное дело против самого Базарова, обвинив его в «клевете» и «оскорблении» государства по статьям 139–140 Уголовного кодекса.

В январе 2022 года Ташкентский городской суд приговорил Базарова к трём годам ограничения свободы, фактически поместив его под длительный домашний арест. Лица, совершившие нападение, так и не были установлены и привлечены к ответственности. «Human Rights

31 Закон Кыргызской Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике» от 21 июля 2015 года № 185, <https://cbd.minjust.gov.kg/111229/edition/1273540/ru>.

Watch»³² и «Freedom House»³³ задокументировали этот случай как пример преследования за реализацию свободы выражения мнений, отметив, что власти не провели беспристрастного расследования нападения.

Хотя данный случай напрямую не касался НПО, он имел значительные последствия для ЛГБТКИ+ сообщества и гражданского общества в целом. После нападения и последовавшего за ним судебного преследования практически вся видимая ЛГБТКИ+ активность в Узбекистане прекратилась. Активисты и группы сообществ были вынуждены уйти в подполье, опасаясь слежки и насилия, а количество доноров и местных партнёров, готовых поддерживать связанные с правами человека инициативы, значительно сократилось. Этот случай стал поворотным моментом для ЛГБТКИ+ активизма в Узбекистане, показывая, как криминализация, враждебное отношение общества и безнаказанность могут заставить замолчать целые сообщества.

4.3. Целенаправленное вмешательство и неформальное давление

Хотя о прямых запретах на проведение собраний, направленных на ключевые группы населения, широко не сообщалось, представленные материалы из ряда стран указывают на практики неформального давления, административных препятствий и переноса мероприятий, которые на практике ограничивают реализацию права на мирные собрания.

В Азербайджане закон допускает проведение собраний, однако отмечается, что публичная видимость ключевых групп населения, особенно ЛГБТКИ+ сообществ и секс-работников*иц, остаётся минимальной, в том числе из-за опасений общественной враждебности и выборочного применения к ним мер административного воздействия.

В Беларуси в отношении любых форм публичных собраний действуют строгие ограничения, включая жесткие требования в отношении уведомления, установленные зоны для проведения протестов и риск наложения административных санкций. Публичные мероприятия с участием ЛГБТКИ+ сообществ особенно уязвимы и практически не проводятся в общественных местах.

В Казахстане органы власти могут отказать в проведении мероприятий на чувствительные темы или потребовать изменения места их проведения, что, по имеющейся информации, привело к тому, что организации, работающие с ключевыми группами населения, полностью избегают публичных мероприятий, предпочитая закрытые площадки и круглые

32 Human Rights Watch, Узбекистан: Нападение на независимого блогера. Обеспечить эффективное расследование, осудить возмутительные проявления гомофобии, <https://www.hrw.org/ru/news/2021/04/01/378391>.

33 Freedom House, Uzbekistan: Authorities Must End Reprisals Against Blogger Miraziz Bazarov for Exercising Right to Freedom of Expression, <https://freedomhouse.org/article/uzbekistan-authorities-must-end-reprisals-against-blogger-miraziz-bazarov-exercising-right>.

стола вместо протестов и информационных кампаний. В качестве примера такой практики можно привести неоднократные отказы администрации города Алматы в согласовании женского марша в Международный женский день со ссылкой на неопределенные риски для общественного порядка³⁴, при том что законодательством в принципе предусмотрен уведомительный порядок согласования. Жалобы на полученные отказы отклонялись с использованием одинаковых формулировок, что усиливает обеспокоенность произвольным характером решений и использованием административных полномочий для ограничения мирных собраний, связанных с гендерным равенством и правами женщин.

В Таджикистане и Узбекистане существенную роль играет неформальное сдерживание. Как отмечают группы сообществ, проведение публичных мероприятий, связанных со снижением вреда или правами ЛГБТ-КИ+, может привлечь нежелательное внимание со стороны государственных структур. Хотя о прямых запретах не сообщалось, существующая среда делает такие мероприятия крайне маловероятными на практике.

4.4. Общие тенденции

и их последствия

Свобода мирных собраний в регионе ВЕЦА может быть коротко охарактеризована следующим образом: формально охраняется во всем регионе, но практическая реализация обеспечена неравномерно. В таких странах, как **Армения, Грузия, Молдова и Украина**, сохраняется сравнительно более либеральная правовая среда, однако зафиксированные случаи насилия, особенно в отношении ЛГБТКИ+ людей, вызывают устойчивую обеспокоенность относительно эффективности и последовательности защиты со стороны государства. В то же время **Беларусь** и ряд стран **Центральной Азии** применяют ограничения или сохраняют сдерживающую среду, при которой возможности для публичной мобилизации остаются крайне ограниченными, особенно для организаций, работающих с ключевыми группами населения.

В контексте инициатив по борьбе с ВИЧ и туберкулезом, реализуемых на уровне сообществ, ограничения свободы мирных собраний имеют прямые последствия. Когда публичные собрания становятся небезопасными или их проведению препятствуют, возможности для самовыражения, проявления солидарности, мобилизации и адвокации сокращаются — организации, действующие на уровне сообществ, вынуждены ограничивать свою деятельность закрытыми форматами, что сужает их возможности привлекать новых участников, формулировать потребности сообщества или адвокаты за защиту прав. Со временем эти ограничения подрывают публичное присутствие групп риска и ослабляют более широкую экосистему, необходимую для поддержания основанных на правах человека и возглавляемых сообществами мер в сфере здравоохранения.

34

Акима́т Алматы в третий раз отказал фемактивисткам в проведении женского марша 8 марта, <https://exclusive.kz/akimat-almaty-v-tretij-raz-otkazal-femaktivistkam-v-provedenii-zhenskogo-marsha-8-marta/>.

Эти ограничения имеют прямые последствия для реализуемых организациями сообществ программ по ВИЧ и ТБ. Когда публичные мероприятия небезопасны или встречают сопротивление властей, возможности для видимости, солидарности, мобилизации и адвокации сокращаются, организации сообществ ограничивают свою деятельность закрытыми форматами, что снижает их способность укреплять связи со своими сообществами, выражать их потребности и продвигать политику, направленную на обеспечение соблюдения и защиты прав человека. С течением времени эти ограничения заглушают голос ключевых групп населения и подрывают более широкую экосистему, необходимую для устойчивости программ здравоохранения, основанных на правах человека и реализуемых под руководством сообществ.

5. Свобода выражения мнений и доступ к информации

Во всех десяти странах, охваченных данным анализом, ограничения свободы выражения мнений и доступа к информации принимают различные формы. К ним относятся положения о «пропаганде наркотиков», ограничивающие публичное обсуждение темы наркотиков и снижения вреда; законы о «семейных ценностях» и «защите детей», используемые для ограничения позитивного освещения ЛГБТКИ+; а также усиление контроля над независимой образовательной и адвокационной деятельностью, особенно в онлайн-пространстве. Хотя масштабы и интенсивность этих мер различаются по странам, их совокупное воздействие приводит к сужению пространства, в котором ОРС и ОГО могут открыто говорить о ВИЧ, ТБ, а также о правах и здоровье ключевых групп населения.

В таблице ниже представлен сравнительный обзор того, как эти ограничения проявляются в рассматриваемых странах по ключевым показателям, связанным со свободой выражения мнений и доступом к информации.

ТАБЛИЦА 3: Сравнительный обзор показателей, связанных со свободой выражения мнений и доступом к информации

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
1 Существуют ли в вашей стране законы, ограничивающие публичную информацию, маркированную как пропагандирующую употребление наркотиков («пропаганда наркотиков»)?	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА
2 Существуют ли в вашей стране законы, ограничивающие публичную информацию, маркированную как пропагандирующую ЛГБТКИ+, позитивное изображение идентичности и/или образа жизни ЛГБТКИ+ («пропаганда ЛГБТКИ+»)? Это также могут быть законы, защищающие традиционные/семейные ценности и/или детей.	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
3 За период 2024-2025 годы были ли введены или применены какие-либо ограничения на публикацию, печать или распространение через социальные сети информации о медико-социальных услугах и правах КГН?	НЕТ	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
4 Были ли в 2024-2025 годах случаи самоцензуры со стороны ОГО и ОРС, работающих в сфере ВИЧ/КГН (например, закрытие каналов социальных сетей, веб-страниц, изменение языка публичных каналов)? Существуют ли определенные темы или причины, которые ОГО и ОРС, работающие в сфере ВИЧ/СПИ-Да, избегают продвигать из-за боязни негативных последствий?	ДА	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА

5.1. Положения о «пропаганде наркотиков» и их влияние на коммуникацию в сфере снижения вреда

Нормы, устанавливающие уголовную или иную ответственность за «пропаганду» или «рекламу» наркотиков, были зафиксированы как минимум в трёх странах – **Казахстане, Таджикистане и Узбекистане**; при этом в **Украине** обсуждаются аналогичные инициативы.

В Казахстане Уголовный кодекс³⁵ (ст. 299) и Кодекс об административных правонарушениях³⁶ (ст. 423) устанавливают уголовную и административную ответственность за «пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров». Эти нормы дополняются Законом «О рекламе»³⁷, который запрещает рекламу товаров, оборот которых запрещён, включая наркотические средства. Согласно представленным материалам по стране, на практике эти положения толкуются широко, в том числе применительно к информации, распространяемой через средства массовой информации и интернет, что увеличивает правовые риски для организаций, освещающих вопросы наркотиков, безопасного употребления и снижения вреда.

В Таджикистане «пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров» является административным правонарушением в соответствии со ст. 131 Кодекса об административных правонарушениях³⁸. Сообщается, что данная норма приме-

35 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗПК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

36 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗПК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

37 Закон Республики Казахстан «О рекламе» от 19 декабря 2003 года № 508, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000508>.

38 Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г., http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=10710.

нялась к культурным проявлениям, таким как стиль одежды или тексты песен, которые власти интерпретировали как пропаганду наркотиков, что демонстрирует, насколько широко могут применяться расплывчатые формулировки подобных норм.

В Узбекистане ограничения закреплены в Законе «О наркотических средствах и психотропных веществах»³⁹, который запрещает пропаганду употребления наркотиков (статья 34). В 2024 году эти ограничения были ужесточены: поправки в Кодекс об административной ответственности⁴⁰ ввели ответственность за распространение и демонстрацию в интернете информации, признанной «пропагандирующей наркотики», включая онлайн-рекламу и социальные сети. Это дополнительно увеличивает правовые риски для материалов по снижению вреда в интернете и для ОРС, использующих цифровые каналы для работы с людьми, употребляющими наркотики.

В Украине нет отдельного закона, прямо запрещающего «пропаганду наркотиков»; вместо этого ограничения касаются рекламы наркотических средств и психотропных веществ в соответствии с Законом «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах»⁴¹ (ст. 6). Тем не менее попытки ввести прямой запрет «пропаганды наркотиков» предпринимались неоднократно. Законопроект № 2784 (2020)⁴², предусматривавший ответственность за пропаганду наркотиков и расширение обязательного лечения, был отозван после адвокации со стороны гражданского общества и сообществ ключевых групп населения. При этом на рассмотрении остаётся законопроект № 5496 (2021)⁴³, предусматривающий уголовную ответственность за «рекламу или пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов»; эксперты отмечают, что он несёт потенциальные риски для организаций, работающих в сфере снижения вреда и реформы наркополитики.

В совокупности эти примеры показывают, что как минимум три страны региона – **Казахстан, Таджикистан и Узбекистан** – уже применяют нормы о «пропаганде наркотиков» к публичной информации, связанной с наркотиками, тогда как ещё одна страна (Украина) рассматривает возможность введения аналогичной ответственности. В этих условиях

Законы и нормативные акты, касающиеся «антинаркотической пропаганды», «ЛГБТ-пропаганды», «семейных ценностей», «общественной морали» и «защиты детей», сужают пространство для основанного на фактах обсуждения вопросов здоровья и прав ключевых групп населения, что сказывается на профилактике ВИЧ, доступе к достоверной информации и расширении прав и возможностей сообществ.

39 Закон Республики Узбекистан «О наркотических средствах и психотропных веществах», <https://www.lex.uz/acts/86028>.

40 Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, <https://www.lex.uz/acts/97661>.

41 Закон України «Про наркотичні засоби, психотропні речовини і прекурсори», <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/60/95-%D0%B2%D1%80#Text> (на украинском языке).

42 Проект Закону про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо протидії незаконному обігу наркотичних засобів, психотропних речовин і прекурсорів та зловживанню ними, 2784 від 17.01.2020, http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67952 (на украинском языке).

43 Проект Закону про внесення змін до Кодексу законів про працю України щодо святкових і неробочих днів, 5496 від 06.12.2016, http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=60643 (на украинском языке).

представители гражданского общества подчёркивают, что такие нормы ограничивают возможность распространения научно обоснованной информации о безопасном употреблении, профилактике передозировок и реформе наркополитики, особенно для организаций людей, употребляющими наркотики.

5.2. «Семейные ценности», защита детей и цензура информации, связанной с ключевыми группами населения

Вторая группа ограничений касается выражения мнений по вопросам сексуальной ориентации, сексуальных отношений, гендерной идентичности и прав ЛГБТКИ+. Такие ограничения часто обосновываются необходимостью защиты «семейных ценностей», «общественной морали» или детей. Эти меры имеют прямое значение для информации, связанной с ВИЧ, поскольку могут ограничивать открытое обсуждение секса в целом, сексуальности, гендера и других тем, важных для здоровья и прав ключевых групп населения, включая людей, живущих с ВИЧ, ЛГБТКИ+ сообщества, секс-работников*иц и людей, употребляющих наркотики.

Хотя такие ограничения наиболее явно затрагивают выражение мнений, связанное с сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью, представленные материалы по странам указывают, что защита детей, семейных ценностей и общественной морали также используются в качестве оснований для ограничения информации, связанной с секс-работой и употреблением наркотиков. Эта тенденция, в частности, проявилась в сообщениях об ограничении онлайн-контента, связанного с платными сексуальными услугами в Кыргызстане, где такие меры преподносились как направленные на защиту общественной морали и детей. Организации сообщали, что образовательные, аутрич- или адвокационные материалы, затрагивающие эти темы, не приветствуются, удаляются или не публикуются, особенно в онлайн-пространстве, из-за опасений санкций, блокировки контента или повышенного внимания со стороны властей. На практике это способствует широкой самоцензуре и ограничивает доступ к научно обоснованной информации для различных ключевых групп населения, включая секс-работников*иц и людей, употребляющих наркотики, даже при отсутствии прямых запретов.

В Грузии в сентябре 2024 года был принят, а 2 декабря 2024 года вступил в силу масштабный законодательный пакет о «семейных ценностях». Основным закон «О защите семейных ценностей и несовершеннолетнего»⁴⁴ сопровождается связанными с ним поправками в Гражданский кодекс, Трудовой кодекс, Закон «О вещании» и Закон «Об общем образовании». В частности, статья 8 этого закона запрещает вещателям распространять информацию, «которая направлена на популяризацию отнесения человека ни к одному из биологических полов или (и) отнесения к полу, отличающемуся от его биологического пола, отношений, выраженных по признаку сексуальной ориентации между представителями одного и того же биологического пола». Согласно представленным материалам, такая легализованная цензура будет

44 Закон Грузии «О защите семейных ценностей и несовершеннолетнего», 4437-XVI0b-X03 от 17/09/2024, <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/6283110?publication=0>; Media Freedom Rapid Response (MFRR). Georgia: Family Values Bill imposes censorship on media. London; Article 19, September 30, 2024. <https://www.mfrr.eu/georgia-family-values-bill-imposes-censorship-on-media/>.

оказывать сильный сдерживающий эффект на освещение ЛГБТКИ+ тематики и способность СМИ давать голос ЛГБТКИ+ сообществу.

В Кыргызстане Законом «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике»⁴⁵ 2023 года введён широкий запрет на распространение среди несовершеннолетних определённых категорий информации. К ним относится информация, побуждающая к действиям, угрожающим здоровью или жизни детей, а также, что особенно важно для данного анализа, информация, «отрицающая семейные и традиционно-общественные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям или другим членам семьи». При этом «изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной» относятся к информации, распространение которой среди несовершеннолетних ограничено. Распространение «запрещённой» или «ограниченной» информации через СМИ или интернет-ресурсы может повлечь штрафы в размере от 10 000 до 25 000 сомов (примерно 115–285 долларов США на дату публикации) для организаций в соответствии с Кодексом о правонарушениях, что создает постоянную угрозу для ОГО, работающих с ЛГБТКИ+ сообществами и в сфере сексуального просвещения, за обычную образовательную, информационную и адвокационную деятельность.

На национальном уровне **в Молдове** законов о «пропаганде ЛГБТ» нет. Однако в мае 2022 года Народное собрание Автономного территориального образования Гагаузия приняло постановление «О запрете пропаганды нетрадиционных отношений, ЛГБТ на территории АТО Гагаузия»⁴⁶. Согласно представленным материалам по стране, этот акт не имеет юридической силы, противоречит Конституции и национальному законодательству и не может законным образом ограничивать свободу выражения мнений или свободу собраний. Тем не менее он отражает враждебную политическую риторику на субнациональном уровне и способствует атмосфере неопределённости для адвокации и публичного выражения мнений, связанных с ЛГБТКИ+.

На основании представленной информации как минимум две страны, **Грузия и Кыргызстан**, приняли на национальном уровне правовые нормы, ограничивающие публичную коммуникацию по вопросам сексуальности, идентичности и «нетрадиционного образа жизни», тогда как **в Молдове** сопоставимая инициатива имела место на субнациональном уровне. Хотя эти меры наиболее явно направлены против ЛГБТКИ+ тематики, риторика защиты детей и охраны общественной морали также распространяется на информацию, связанную с секс-работой и употреблением наркотиков, через аргументацию, основанную на общественной морали и защите детей. В совокупности эти ограничения сужают пространство для научно обоснованного обсуждения вопросов здоровья и прав ключевых групп насе-

45 Закон Кыргызской Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике» от 21 июля 2015 года № 185, <https://cbd.minjust.gov.kg/111229/edition/1273540/ru>.

46 Постановление Народного Собрания Гагаузии «О запрете пропаганды нетрадиционных отношений, ЛГБТ на территории АТО Гагаузия (Гагауз Ери)» №62-IV/VII от 25 мая 2022 г., [https://database.ilga.org/api/downloader/download/1/MD%20-%20LEG%20-%20Propaganda%20Resolution%20\(2022\)%20-%20OR%20\(ru\).pdf](https://database.ilga.org/api/downloader/download/1/MD%20-%20LEG%20-%20Propaganda%20Resolution%20(2022)%20-%20OR%20(ru).pdf).

ния, что, в свою очередь, влияет на профилактику ВИЧ, доступ к достоверной информации и расширение возможностей сообществ.

5.3. Контроль над независимым образованием, онлайн-контентом и адвокацией

Помимо прямых законов о «пропаганде», в ряде стран были введены дополнительные меры контроля над независимой образовательной и адвокационной деятельностью, влияющие на то, как может создаваться, распространяться и доводиться до аудитории информация о ВИЧ, ТБ и ключевых группах населения.

В Узбекистане поправками⁴⁷ от ноября 2024 года к Закону «Об образовании»⁴⁸ и Кодексу об административной ответственности⁴⁹ был введён новый порядок осуществления «просветительской деятельности». Независимые тренинги, семинары и лекции вне формальной системы образования теперь требуют официального разрешения. За просветительскую деятельность без соответствующих разрешений теперь предусмотрены штрафы, и при этом данной деятельностью запрещено заниматься отдельным категориям лиц, включая людей с определёнными судимостями или проходящих лечение от зависимости. Это фактически вводит государственный контроль над независимыми образовательными инициативами, включая тренинги по правам человека, здоровью и ВИЧ, и создаёт новые возможности для давления на активистов и просветителей из сообществ. В сочетании с ужесточением в 2024 году ответственности за онлайн-«пропаганду наркотиков» это формирует многослойную систему ограничений, при которой регулируется как содержание информации, например о наркотиках или сексуальности, так и способы её распространения, включая независимые тренинги и онлайн-каналы, с существенным риском санкций для организаций под руководством сообществ.

В Кыргызстане закон о защите детей⁵⁰ прямо связан с санкциями в отношении организаций, распространяющих «запрещённую или ограниченную» информацию через СМИ и интернет-ресурсы. Штрафы по статье 74 Кодекса о правонарушениях⁵¹ напрямую распространяются на ОГО и ОРС, что стимулирует самоцензуру по таким темам, как права ЛГБТКИ+, сексуальное просвещение и некоторые формы адвокации в сфере наркополитики, которые могут быть отнесены к запрещённым категориям.

Представленные материалы из других стран, включая **Азербайджан, Армению и Беларусь**, не выявили сопоставимых недавних изменений в законодательстве, специально ре-

47 Закон Республики Узбекистан «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на определение порядка осуществления просветительской деятельности», от 05.11.2024 г. № ЗРУ-990, <https://lex.uz/uz/docs/7196888>.

48 Закон Республики Узбекистан «Об образовании», <https://lex.uz/uz/docs/5013009>.

49 Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, <https://www.lex.uz/acts/97661>.

50 Закон Кыргызской Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике» от 21 июля 2015 года № 185, <https://cbd.minjust.gov.kg/111229/edition/1273540/ru>.

51 Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 126, <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru>.

гулирующих онлайн-контент или независимую образовательную деятельность, помимо более широких ограничений гражданского пространства, рассматриваемых в других разделах отчёта. Соответственно, данный подраздел сосредоточен на тех странах, по которым имелась подробная и подтверждённая источниками информация.

5.4. Влияние на меры по противодействию эпидемиям ВИЧ и ТБ и на деятельность организаций сообществ

В совокупности описанные реформы свидетельствуют о региональной тенденции к сужению пространства для публичного обсуждения наркотиков, сексуальности и прав человека, то есть именно тех тем, по которым ОРС и ОГО должны иметь возможность открыто коммуницировать для поддержания эффективных мер противодействия эпидемиям ВИЧ и ТБ. В странах, где действуют нормы о «пропаганде» и законодательство, ограничивающее свободу информации по определённым тематикам, а именно в **Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане** и, в иной форме, в **Грузии**, организации, работающие с людьми, употребляющими наркотики, секс-работниками*цами и ЛГБТКИ+ сообществами, сталкиваются с пересекающимися рисками:

- того, что образовательные материалы о более безопасном употреблении наркотиков, заместительной терапии или снижении вреда будут признаны «пропагандой наркотиков»;
- того, что коммуникация по вопросам прав человека, информационные кампании или ау-трич-деятельность, связанные с сексуальностью, секс-работой или ЛГБТКИ+ сообществами, будут признаны запрещённым контентом в соответствии с законодательством о семейных ценностях или защите детей;
- того, что независимые тренинги, семинары или онлайн-кампании будут подпадать под санкции в рамках новых ограничений на образовательную деятельность и активность в интернете.

Хотя некоторые страны, прежде всего **Молдова и Украина**, пока не приняли на национальном уровне законы о «пропаганде», законопроекты и субнациональные инициативы показывают, что такие меры остаются политически актуальными и могут вновь появиться. В этой ситуации риск самоцензуры особенно высок: даже там, где применение закона остаётся эпизодическим, неопределённость юридических формулировок и строгость возможных санкций побуждают организации сужать круг публично распространяемой информации, сокращать своё присутствие в интернете или переформатировать свою деятельность в менее прямых и менее заметных формах.

В целом ограничения свободы выражения мнений и доступа к информации представляют собой растущую угрозу для деятельности организаций под руководством сообществ в сфере ВИЧ и ТБ в регионе ВЕЦА. Следующий раздел отчёта рассматривает, как эти и другие меры пересекаются с криминализацией людей, живущих с ВИЧ, и ключевых групп населения, а также с защитой от актов преследования.

6. Криминализация ключевых групп населения и защита от актов преследования

Криминализация остаётся определяющей характеристикой гражданского пространства во всех десяти рассматриваемых странах. Несмотря на то, что в каждой стране действует собственная правовая система, прослеживается ряд повторяющихся закономерностей, которые напрямую влияют на права, безопасность и видимость ключевых групп населения, а также на способность организаций под руководством сообществ обеспечивать устойчивость услуг в сфере ВИЧ, ТБ и снижения вреда.

В таблице ниже представлен региональный обзор показателей, связанных с криминализацией, который показывает, как законы и практика правоприменения в отношении употребления наркотиков, однополых отношений, секс-работы, а также передачи ВИЧ и поставления в опасность инфицирования, формируют условия деятельности для ключевых групп населения и организаций под руководством сообществ. В таблице отражены как формальные правовые положения, так и их практическое значение для защиты от актов преследования.

ТАБЛИЦА 4: Сравнительный обзор показателей, связанных с криминализацией ключевых групп населения

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
1 Запрещено ли в стране употребление наркотиков (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	ДА	ДА
2 Запрещено ли в стране хранение наркотиков для личного употребления (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
3 По состоянию на 2025 год, предусмотрены ли ограничения прав лиц, состоящих на наркологическом учёте (например, получение/сохранение водительских прав, образование, трудоустройство) в стране?	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
4 Запрещены ли в стране гомосексуальные отношения (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА
5 Были ли случаи преследования людей за гомосексуальные отношения в соответствии с этими законами?	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
6 Если в вашей стране нет прямого уголовного преследования ЛГБТКИ+ людей, были ли случаи ареста или риска ареста за принадлежность к ЛГБТКИ+ сообществу или за гомосексуальные отношения в 2024-2025 годах? Были ли случаи на протяжении 2024-2025, когда ЛГБТКИ+ обвиняли в других уголовных преступлениях, таких как распространение порнографии, бродяжничество, хулиганство, нарушение общественного порядка?	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ
7 Существуют ли в стране какие-либо законы/подзаконные акты, касающиеся умышленной или непреднамеренной передачи ВИЧ, поставления в опасность инфицирования или несообщения своего ВИЧ-положительного статуса?	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
8 По состоянию на 2025 год, обязательно ли по закону проходить тест на ВИЧ до вступления в брак?	НЕТ	ДА	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА
9 В течение 2024-2025 годов были ли случаи преследования людей по законам, упомянутым в вопросах №7-8?	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	Н/Д	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА
10 Запрещена ли секс-работа в стране (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
11 Существуют ли в стране законодательные ограничения в отношении клиентов*ток секс-работников*иц (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	НЕТ	НЕТ	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
12 Существуют ли в стране законодательные ограничения в отношении третьих лиц, вовлеченных в секс-работу – менеджеров, администраторов, мамочек (в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом)?	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
13 Существуют ли законодательные ограничения в отношении вебкам-бизнеса в стране в соответствии с уголовным и/или административным кодексом или другим правовым документом?	ДА	ДА	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА

№ Вопрос	AM	AZ	BE	GE	KZ	KY	MD	TJ	UA	UZ
14 В период 2024–2025 годов были ли случаи, когда люди преследовались по этим законам, упомянутым в вопросах №10–13?	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА
15 Широко ли распространены репрессивные методы правоохранительных органов в отношении секс-работников*иц (например, полицейские рейды, контрольная закупка, принудительное тестирование на ВИЧ/ИППП, требование предъявить справку об отсутствии ВИЧ/ИППП, принуждение к сотрудничеству с полицией)?	ДА	НЕТ	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
16 Имели ли место словесные угрозы, физические атаки, насильственные исчезновения или убийства активистов из числа КГН?	ДА	НЕТ	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА

6.1. Правовой и политический контекст

ЛЮДИ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕ НАРКОТИКИ

Во всех десяти рассматриваемых странах употребление наркотиков в общественных местах и хранение наркотических средств остаются либо административными правонарушениями, либо уголовно-наказуемыми преступлениями. Несмотря на различия в законодательстве, в большинстве стран действует смешанная модель ответственности, при которой хранение небольших количеств наказывается в административном порядке, а за более крупные объёмы или повторные нарушения наступает уголовная ответственность. В ряде стран, включая **Молдову** и **Украину**, пороговые количества для личного употребления установлены на очень низком уровне, что повышает риск криминализации людей, употребляющих наркотики, даже при отсутствии намерения сбыта. Аналогичные смешанные модели действуют в **Азербайджане, Беларуси, Грузии и странах Центральной Азии**⁵².

Имеющиеся данные подтверждают, что все десять стран сохраняют репрессивные механизмы, криминализирующие употребление и хранение наркотиков посредством сохранения низких пороговых значений и тонкой грани между административной и уголовной ответственностью. В большинстве стран хранение минимальных количеств для личного употребления

52 Чтобы ознакомиться с анализом криминализации хранения наркотиков и его влияния на профилактику ВИЧ и доступ к услугам в регионе, см., Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). Eastern Europe and Central Asia – Regional profile – 2025 Global AIDS Update – AIDS, Crisis and the Power to Transform. Geneva; UNAIDS, 2025. <http://www.unaids.org/sites/default/files/2025-07/2025-global-aids-update-eecca.pdf>; ЕАСБ, Краткий обзор наказаний за преступления, связанные с наркотиками, в Восточной Европе и Центральной Азии, <https://harmreductioneurasia.org/ru/drug-policy/drug-laws>.

влечёт штрафы или задержание, тогда как немного большие объёмы или повторные нарушения становятся основанием для уголовного преследования и лишения свободы. На практике такие системы, основанные на количественных порогах, функционируют не как соразмерное регулирование в сфере общественного здравоохранения, а как механизм повседневной криминализации, создающий для людей, употребляющих наркотики, постоянный правовой риск даже при отсутствии признаков, связанных со сбытом⁵³. Так, например, в **Армении** хранение до пяти доз рассматривается как административное правонарушение, тогда как превышение этого порога сразу влечёт уголовную ответственность. Аналогичная структура с низкими порогами по количеству действует и в ряде других стран ВЕЦА.

Наркологический учёт⁵⁴ продолжает выполнять роль наказания в нескольких странах. В **Азербайджане и Беларуси**, где постановка на государственный наркологический учёт производится в обязательном порядке, а сам реестр лиц, состоящих на учёте, синхронизирован с базами данных правоохранительных органов, нахождение на учёте является основанием для ограничения широкого круга гражданских прав, включая право на управление транспортом, доступ к определённым профессиям и возможность трудоустройства в государственном секторе. Схожие системы наркологического учёта существуют в **Казахстане, Таджикистане и Узбекистане**, где наркотическая зависимость рассматривается как медицинское противопоказание для осуществления различных гражданских прав и профессиональной деятельности. В отличие от добровольной медицинской документации, наркологический учёт функционирует как инструмент наблюдения и контроля, удерживая людей, употребляющих наркотики, от обращения за услугами снижения вреда, тестированием или лечением⁵⁵.

В целом репрессивные законы о наркотиках и связанная с ними практика правоприменения, включая принудительное тестирование на наркотики, административные задержания и постоянный контроль, продолжают сужать гражданское пространство для людей, употребляющих наркотики, и организаций, работающих с этой ключевой группой населения. Хотя представленные материалы не содержат сведений о произошедших в отчётный период случаях, когда законы о наркотиках напрямую использовались против активистов или журналистов, многочисленные сообщения независимых СМИ и правозащитных организаций по региону ВЕЦА описывают случаи уголовного преследования журналистов и активистов по делам, связанным с наркотиками, при наличии обоснованных утверждений о том, что нарко-

53 Полная база данных доступна в: ЕАСВ, Краткий обзор наказаний за преступления, связанные с наркотиками, в Восточной Европе и Центральной Азии.

54 Наркологический учёт (учёт лиц, употребляющих наркотики) представляет собой государственные базы данных, которые ведутся органами здравоохранения или правоохранительными органами и содержат сведения о лицах с установленной зависимостью от наркотиков или о лицах, у которых было выявлено употребление незаконных веществ. Во многих странах ВЕЦА постановка на учёт является обязательным после обращения в медицинские учреждения, контакта с полицией или судебными органами и зачастую сопровождается передачей данных между государственными системами. Постановка на учёт может влечь правовые и административные последствия, включая ограничения на получение и сохранение водительских прав, трудоустройство по определённым профессиям, выезд за границу и доступ к государственным услугам. В отличие от конфиденциальной медицинской документации, наркологический учёт функционирует как инструмент наблюдения и социального контроля и часто рассматривается в качестве фактора, сдерживающего обращаемость за добровольным лечением или услугами по снижению вреда. Подробнее см.: ЕАСВ, Краткий обзор наказаний за преступления, связанные с наркотиками, в Восточной Европе и Центральной Азии.

55 ЕАСВ, Наркологический учёт, 2025 г., <https://harmreductioneurasia.org/ru/drug-policy/drug-registry>.

тические средства были подброшены сотрудниками правоохранительных органов с целью дискредитации и наказания за их публичную деятельность⁵⁶.

ЛГБТКИ+ СООБЩЕСТВА

Узбекистан остаётся единственной страной, охваченной данным анализом⁵⁷, где добровольные однополые отношения между мужчинами являются уголовно наказуемыми в соответствии со статьёй 120 Уголовного кодекса. Согласно представленным материалам, данная норма использовалась для задержания и уголовного преследования трансгендерных секс-работниц: по имеющимся данным, не менее 14 трансгендерных женщин были осуждены по этой статье в 2024 году. Лица, находившиеся под стражей, сталкивались с отказом в гуманном обращении и дискриминационными условиями содержания. Эта практика показывает широкое и репрессивное применение закона, фактически смешивающее сексуальную ориентацию, гендерную идентичность и секс-работу и приводящее к серьёзным нарушениям прав человека и человеческого достоинства.

В остальных девяти странах добровольные однополые отношения законны. Однако эта формальная законность сосуществует с усилением государственного контроля над информацией и публичным дискурсом, связанными с сексуальностью и гендером, что на практике подрывает безопасность и равную защиту.

Как минимум пять стран региона, включая Беларусь, Грузию и Кыргызстан, приняли или активно применяют законы и подзаконные акты, регулирующие или ограничивающие публичную информацию, медиаконтент и адвокацию, связанные с сексуальностью, гендером и «нетрадиционным образом жизни». Это приводит к непрямым формам исключения и изоляции, непропорционально затрагивающие ЛГБТКИ+ сообщества.

Беларусь особенно выделяется поправками 2023 года, которые обычно называют законом о «пропаганде ЛГБТ». Они существенно ограничивают публичное выражение, связанное с ЛГБТКИ+ идентичностями, и создают правовую основу для привлечения к административной или уголовной ответственности на основании уже существующих норм о порнографии, «информации, вредной для детей», нарушении общественного порядка или хулиганстве. **Кыргызстан** в 2023 году принял аналогичный закон, регулирующий информацию, признанную вредной для детей, с формулировками, достаточно широкими для охвата контента, связанного с сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, особенно в образовательной и онлайн-среде. Эти меры в первую очередь выстроены как инструменты

56 См., например: The Insider. Подброшенные наркотики, камера в спальне, сливы компроматов. Как киргизские власти пытаются избавиться от расследователя Болота Темирова, 25 января 2022 г., <https://theins.ru/news/248079>; Sputnik News. СК Армении представил подробности дела в отношении архиепископа Аршака Хачатряна, 5 декабря 2025 г., <https://am.sputniknews.ru/20251205/sk-armenii-predstavil-podrobnosti-dela-v-otnoshenii-arkhiepiskopa-arshaka-khachatryana--96589976.html>; Кавказский узел, Азербайджанский активист Мамедзаде заявил о фальсификации дела, 22 марта 2024 г., <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/398327>; Amnesty International, Россиянин Антон Чечин получил самый большой срок среди участников протестов в Грузии. Его осудили за хранение наркотиков, которые, как он утверждает, ему подбросили, 2 сентября 2025 г., <https://www.amnesty.org/ru/latest/news/2025/09/rossiyanin-anton-chechin-poluchil-samyj-bolshoj-srok-sredi-uchastnikov-protestov-v-gruzii-ego-osudili-za-hranenie-narkotikov-kotorye-kak-on-utverzhaet-emu-podbroсили/>.

57 Вторая страна региона ВЕЦА, сохраняющая криминализацию добровольных гомосексуальных отношений между мужчинами, – Туркменистан, но он не охвачен в рамках данного проекта.

контроля над информацией и публичным дискурсом и широко применяются в отношении блогеров, журналистов и независимых медиа, однако они также оказывают серьезное воздействие на ЛГБТКИ+ организации, услуги и общественную видимость сообществ.

Хотя в **Азербайджане** нет закона, запрещающего «пропаганду» ЛГБТКИ+, документ 2019 года относит «расстройство сексуального предпочтения» к состояниям, несовместимым с некоторыми профессиями, включая преподавание, что усиливает институциональную дискриминацию. Представленные материалы из **Армении и Грузии** описывают повторяющиеся случаи насилия в отношении ЛГБТКИ+ людей и активистов, а также обеспокоенность недостаточной реакцией государства, особенно в части предотвращения насилия и привлечения виновных к ответственности.

В совокупности эти тенденции показывают, что даже при отсутствии прямой уголовной ответственности законодательство, основанное на представлениях о морали, и контроль над информацией, изначально подававшиеся как инструменты регулирования публичного дискурса и медиа, на практике становятся барьерами для выражения мнений, участия в собраниях и общественной жизни ЛГБТКИ+ сообществ.

ЛЮДИ, ЖИВУЩИЕ С ВИЧ

Уголовно-правовые нормы, связанные с передачей ВИЧ, продолжают действовать во всех десяти рассматриваемых странах, хотя их объём и практика применения различаются. В **Армении** сохраняется криминализация передачи ВИЧ, однако поставление в опасность инфицирования больше не является уголовно наказуемым. В соответствии со ст. 177 Уголовного кодекса, уголовная ответственность наступает только в случае фактической передачи ВИЧ. Это представляет собой частичный сдвиг в сторону международных стандартов, которые выступают против наказания лишь за предполагаемый риск передачи ВИЧ.

Во всех остальных странах региона, охваченных исследованием, криминализованы как передача ВИЧ, так и, в той или иной степени, «поставление в опасность заражения». В рамках этой более широкой группы особенно выделяются **Азербайджан, Беларусь, Таджикистан и Узбекистан** из-за сочетания размытых формулировок закона и задокументированной практики его применения. В этих странах уголовная ответственность может наступать за допущение риска передачи ВИЧ даже в отсутствие и умысла кого-либо инфицировать, и самого факта заражения. В **Беларуси** действует одна из самых широких формулировок в регионе, и, согласно представленной информации, имеет место уголовное преследование за «поставление в опасность» передачи ВИЧ при отсутствии фактического инфицирования.

Помимо правоприменительной практики, серьёзную обеспокоенность по всему региону вызывает и сама структура криминализации ВИЧ. Поскольку приговоры выносятся по статьям, прямо связанным с ВИЧ, наличие судимости фактически может раскрывать ВИЧ-статус человека, нарушая конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни. Этот риск присутствует даже в странах, где случаи уголовного преследования немногочисленны, и способствует страху перед тестированием, раскрытием статуса и обращением за медицинской помощью.

В нескольких странах региона, а именно в **Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Молдове**, предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за поставление в опасность инфицирования ВИЧ, если ВИЧ-положительный человек предупредил партнёра о своём ВИЧ-статусе, а партнёр добровольно принял этот риск. Это положение снизило уровень уголовного преследования среди части серодискордантных пар, но оно не устраняет значительно более обширный вред, связанный с криминализацией ВИЧ, включая бремя раскрытия статуса, доказательственные дисбалансы и сохраняющуюся стигму.

Ещё один положительный сдвиг был зафиксирован в **Таджикистане**. В декабре 2023 года Верховный суд Таджикистана принял постановление Пленума о судебной практике по делам, связанным с ВИЧ⁵⁸, содержащее разъяснения, направленные на сокращение необоснованной криминализации. В постановлении подчёркиваются принципы соразмерности, стандарты доказывания и необходимость различать фактический вред и теоретический риск. Хотя постановление не отменяет уголовно-правовые нормы и не устраняет криминализацию ВИЧ как таковую, это единственная известная в регионе судебная инициатива, направленная на ограничение чрезмерно широкого применения уголовного законодательства о ВИЧ. Представленные материалы и международный мониторинг отмечают, что её практическое значение будет зависеть от последовательного применения нижестоящими судами.

В ряде стран, включая **Азербайджан, Беларусь, Таджикистан и Узбекистан**, по-прежнему действует обязательное добрачное тестирование на ВИЧ. Хотя оно преподносится как мера общественного здравоохранения, обязательное тестирование противоречит международным стандартам добровольного информированного согласия и конфиденциальности и дополнительно усиливает стигму в отношении людей, живущих с ВИЧ. В условиях, когда религиозные браки⁵⁹ получают всё большее распространение, это требование также может побуждать некоторые пары полностью отказываться от заключения официального брака, что повышает правовую, медицинскую и социальную уязвимость, особенно женщин, за счёт ограничения доступа к супружеским правам, социальной защите и формальным механизмам поддержки.

СЕКС-РАБОТНИКИ

Ни в одной из десяти рассматриваемых стран секс-работа не признаётся трудовой деятельностью и по всему региону регулируется через наказательные правовые и административные механизмы. Хотя правовой статус людей, оказывающих сексуальные услуги, различается от страны к стране, все десять стран криминализируют участие третьих лиц в секс-работе, включая организацию, содействие или извлечение прибыли из оказания секс-

58 Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан №2 от 26 декабря 2023 года «О судебной практике по уголовным делам, связанным с заражением вирусом иммунодефицита человека», https://sud.tj/upload/documents/plenum/2_UD_RU/39_%20Постановление%20Пленума%20Верховного%20Суда%20от%2023.12.2023%20№2.pdf.

59 В ряде стран ВЕЦА пары могут вступать в религиозный брак (например, никаях, заключённый в мечети), который не регистрируется в государственных органах и, соответственно, не требует соблюдения требований, предусмотренных для официального брака, включая обязательное добрачное тестирование на ВИЧ. Хотя такие союзы признаются в обществе, они не обеспечивают правовой защиты, связанной с гражданским браком, включая супружеские права, право на наследование, доступ к социальным гарантиям и формальные механизмы защиты в случае развода или насилия.

суальных услуг. В большинстве стран сама продажа сексуальных услуг влечёт административную ответственность, за исключением Казахстана, где секс-работа не является ни административным, ни уголовным правонарушением. С вариациями эта модель действует в **Азербайджане, Армении, Беларуси, Молдове и странах Центральной Азии.**

Хотя конкретный объём и интенсивность правоприменения различаются, представленные материалы последовательно указывают на то, что такие нормы создают структурную криминализацию секс-работы как сектора даже там, где сама продажа сексуальных услуг формально не криминализована. Путём преследования сопутствующей деятельности, такой как аренда помещений, организация работы, реклама услуг или обеспечение безопасности, закон фактически делает безопасные и устойчивые условия труда невозможными и постоянно подвергает секс-работников*иц риску вмешательства полиции.

КЕЙС 4

Украина: Косвенная криминализация секс-работы через законодательство о порнографии (2024 г.)

В 2024 году правоохранительные органы Украины инициировали уголовное производство в отношении вебкам-студии, работавшей в Харькове, что показывает, как общие уголовно-правовые нормы, основанные на представлениях о морали, используются для косвенной криминализации секс-работы.

С июня 2023 года по октябрь 2024 года студия работала в двух квартирах, где женщины выступали в качестве вебкам-моделей при административной поддержке персонала. В апреле 2024 года полиция провела семь «контрольных закупок» сексуальных услуг онлайн, потратив около 15 000 гривен (примерно 500 долларов США). На основании этих материалов было возбуждено уголовное дело по статье 301 Уголовного кодекса («распространение порнографических материалов»), а в октябре 2024 года обвинения были предъявлены организатору и одной из моделей.

Организации гражданского общества выразили обеспокоенность несоразмерностью действий правоохранительных органов, отсутствием чёткого разграничения между добровольной онлайн-работой взрослых и криминализированным контентом, а также сдерживающим воздействием такого подхода на безопасность секс-работников*иц и их доступ к услугам. Этот случай усилил стигму, повысил страх уголовного преследования и ослабил готовность обращаться за медицинской, правовой и иной поддержкой, показывая, как косвенная криминализация подрывает гражданское пространство для секс-работников*иц и деятельность организаций под руководством сообществ.

Для секс-работников*иц такая среда означает постоянную неопределённость, уязвимость и риск злоупотреблений. Наказания включают штрафы и административные аресты, в то время как представленные материалы указывают на такие распространённые подходы, как рейды, обязательное тестирование на ВИЧ или ИППП, давление с целью сотрудничества с правоохранительными органами и неформальное вымогательство.

ОРС, оказывающие секс-работникам*цам услуги в сфере профилактики ВИЧ, снижения вреда и помощи, основанной на правах человека, работают в схожих условиях. Аутич-деятельность, обучение по принципу «равный равному» и работа дроп-ин центров могут быть истолкованы как «содействие» секс-работе либо иным образом привлечь внимание правоохранительных органов, подвергая риску как сотрудников, так и клиентов. В результате организации сообщают об ограничении мест проведения аутич-работы, отходу от публичной деятельности и изменении моделей оказания услуг в целях уменьшения риска, часто ценой доступности, доверия и непрерывности помощи.

ЗАЩИТА ОТ АКТОВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Во всех десяти странах оценки гражданского пространства фиксируют устойчивые пробелы в обеспечении государственной защиты для представителей гражданского общества, включая правозащитников, журналистов и активистов, особенно в условиях ограниченного или затруднённого гражданского пространства. Глобальные инициативы мониторинга, такие как CIVICUS Monitor, последовательно сообщают о запугивании, преследовании и недостаточной защите гражданского общества, особенно там, где адвокаты направлены на оспаривание доминирующих политических, моральных или социальных установок⁶⁰.

В этом контексте отмечаются повторяющиеся и нередко усиливающиеся пробелы в защите ОГО и активистов, работающих с ЛГБТКИ+ сообществами, секс-работниками*цами, людьми, употребляющими наркотики, и людьми, живущими с ВИЧ. К ним относятся затянутые или неэффективные расследования, отсутствие последующих действий со стороны правоохранительных органов и ситуации, когда пострадавших фактически отговаривают от обращения за защитой или взаимодействия с полицией. Совокупный эффект этих проблем заключается в усилении атмосферы страха для организаций, работающих с маргинализированными сообществами, что сдерживает публичное участие и видимость.

Акты преследования различаются по региону. **В Армении, Грузии и Украине** респонденты указывали на случаи насилия по мотивам ненависти в отношении ЛГБТКИ+ людей, а также выражали обеспокоенность затянутыми или неэффективными расследованиями. **В Беларуси и нескольких странах Центральной Азии** сообщалось о продолжающемся использовании административных инструментов, таких как проверки документов, задержания и штрафы, которые могут избирательно применяться в отношении маргинализированных групп, в том числе в ответ на публичную видимость или адвокацию, основанную на правах человека. В тех условиях, где криминализация остаётся особенно сильной, прежде всего в

60 CIVICUS Monitor 2025, там же.

связи с ВИЧ и употреблением наркотиков, люди могут также опасаться проблем с законом при обращении за услугами или сообщении о совершенных в отношении них преступлениях.

КЕЙС 5

Украина: Нападение на ЛГБТКИ+ активистов во время публичного мероприятия (2025 г.)

18 августа 2025 года во время публичной церемонии прощания с художником Давидом Чичканом в Киеве двое ЛГБТКИ+ активистов подверглись физическому нападению после того, как развернули радужные флаги. По сообщениям, нападавшие были связаны с добровольческим военным подразделением. Очевидцы сообщили, что они вырвали флаги и нанесли удары активистам на глазах у других участников.

Сотрудники полиции вмешались, чтобы разнять стороны, однако никого сразу не задержали. Хотя была подана официальная жалоба, эффективного расследования не последовало, и по состоянию на конец 2025 года никто не был привлечён к ответственности. По имеющимся сведениям, правоохранительные органы ссылались на «чувствительный характер» мероприятия и военную принадлежность нападавших как на обстоятельства, ограничивающие дальнейшие действия.

Этот случай показывает недостаточность государственной защиты и подотчётности в ответ на направленное насилие против ЛГБТКИ+ людей. Несмотря на отсутствие формальной криминализации однополых отношений в Украине, отсутствие эффективной реакции способствует атмосфере безнаказанности и небезопасности. ОГО сообщали, что этот случай оказал сдерживающее воздействие на публичную видимость и участие: после него ряд мероприятий сообществ были отменены или перенесены из-за опасений за безопасность и отсутствия действенной защиты.

О похожих случаях затянутых расследований и ограниченной подотчётности сообщалось и в других странах; такая практика демонстрирует, что слабая защита от актов преследования остаётся серьёзным ограничением гражданского участия для ключевых групп населения.

6.2. Последствия для деятельности сообществ в сфере ВИЧ/ТБ

Во всём регионе криминализация и недостаточность механизмов защиты негативно влияют на осуществляемые меры по противодействию эпидемиям ВИЧ и ТБ. Люди, употребляющие наркотики, избегают лечения или услуг снижения вреда из-за опасений, связанных с наркологическим учётом, наблюдением и вниманием со стороны полиции. Секс-работники* и ЛГБТКИ+ люди могут воздерживаться от получения медицинской помощи, обращения в

правоохранительные органы за помощью в случае насилия или взаимодействия с программами социальной защиты из-за страха стигмы, публичного осуждения, угроз или возможных правовых последствий.

В сочетании с неравномерной государственной защитой эти правовые и практические барьеры уменьшают видимость, безопасность и пространство для деятельности организаций под руководством сообществ. Представленные материалы показывают, что совокупное воздействие криминализации, контроля над информацией, административного давления и слабых механизмов ответственности подрывает доверие между сообществами и поставщиками услуг, нарушает непрерывность помощи и ограничивает возможности организаций охватывать тех, кто больше всего в ней нуждается. Со временем эти ограничения ослабляют деятельность сообществ в сфере ВИЧ и ТБ и подрывают устойчивость услуг профилактики, тестирования и лечения для ключевых групп населения.

Совокупное воздействие криминализации, контроля над информацией, административного давления и неэффективных механизмов ответственности подрывает доверие между сообществами и поставщиками услуг, нарушает непрерывность оказания помощи и ограничивает возможности организаций в охвате тех, кто в ней больше всего нуждается. Со временем эти ограничения ослабляют инициативы по борьбе с ВИЧ и туберкулезом, реализуемые под руководством сообществ, и подрывают устойчивость основанных на правах человека услуг по профилактике, тестированию и лечению для ключевых групп населения.

Заключения и рекомендации

Заключения

Анализ нормативно-правовой базы, правоприменительной практики и задокументированных случаев в странах ВЕЦА демонстрирует, что гражданское пространство в регионе остаётся неоднородным, уязвимым и всё в большей степени формируется под воздействием политического и идеологического давления, особенно в отношении организаций под руководством сообществ и организаций, работающих с людьми, живущими с ВИЧ, и ключевыми группами населения. Несмотря на формальное закрепление основных свобод во всех десяти странах, их практическая реализация ограничивается вследствие действия ограничительного законодательства, административных барьеров, выборочного правоприменения и недостаточной защиты от насилия и актов преследования. Эти факторы оказывают прямое влияние на устойчивость программ по ВИЧ и ТБ, реализуемых под руководством сообществ.

На **свободу объединения** в регионе влияет распространение законодательства об «иностранных агентах» и «иностранном влиянии», в частности в **Грузии и Кыргызстане**, а также сохраняющиеся на протяжении длительного времени ограничительные практики в **Азербайджане, Беларуси, Таджикистане и Узбекистане**, где требования к регистрации, отчётности и финансированию фактически ограничивают независимость организаций, несмотря на отсутствие формально закреплённых законов об «иностранных агентах». Даже в странах, где такие законы отсутствуют, непрозрачные процедуры регистрации, ограничения доступа к иностранному финансированию и страх перед возможными санкциями со стороны государства продолжают подрывать текущую деятельность организаций, работающих с людьми, употребляющими наркотики, ЛГБТКИ+ сообществами, секс-работниками*цами, мигрантами и людьми, живущими с ВИЧ. В 2025 году эти факторы по-прежнему затрудняли деятельность организаций сообществ и гражданского общества и ограничивали их способность предоставлять услуги, проводить исследования и осуществлять адвокационную деятельность в интересах людей, живущих с ВИЧ, и ключевых групп населения.

Свобода мирных собраний формально закреплена в большинстве национальных конституций, однако на практике маргинализированные группы сталкиваются с повышенными рисками для безопасности и отсутствием гарантированной защиты. Насилие в отношении ЛГБТКИ+ сообществ во время публичных мероприятий **в Армении и Украине** демонстрирует сохраняющиеся пробелы в обеспечении защиты со стороны государства даже в сравнительно более открытых условиях гражданского пространства. **В странах Центральной Азии** собрания по чувствительным вопросам практически не проводятся из-за опасений негативной реакции со стороны властей и враждебного отношения в обществе, что эффективно снижает уровень общественного участия без необходимости введения прямых запретов.

Свобода выражения мнений и доступ к информации всё более ограничиваются через законодательство о «пропаганде», «семейных ценностях», «защите детей» и «общественной морали». К таким мерам относятся ограничения, направленные на информацию, связанную с наркотиками (**Казахстан, Таджикистан, Узбекистан**, а также обсуждаются **в Украине**), видимость ЛГБТКИ+ сообществ (**Грузия, Кыргызстан** и на субнациональном уровне **в Молдове**), а также независимую образовательную и адвокационную деятельность (**Узбекистан**). Совокупный эффект этих мер заключается в формировании сдерживающей среды, в которой организации под руководством сообществ прибегают к самоцензуре, чтобы избежать правовых, административных или репутационных рисков, а это ограничивает доступ сообществ к точной научно обоснованной информации в сфере здравоохранения.

Криминализация ключевых групп населения остаётся устойчивой характеристикой во всех десяти странах. Репрессивная наркополитика, административная или уголовная ответственность, связанная с секс-работой, а также нормы, криминализующие как передачу ВИЧ, так и «поставление в опасность» инфицирования, продолжают формировать атмосферу постоянной опасности как для отдельных людей, так и для организаций, которые с ними работают. За исключением **Узбекистана**, ни в одной из девяти других стран однополые отношения не криминализированы, однако косвенная криминализация через законодательство, основанное на морали или «семейных ценностях», повышает риски для ЛГБТКИ+ сообществ, особенно в сочетании с недостаточно прозрачной и соразмерной правоприменительной практикой.

Общественные организации по всему региону не остались в стороне перед лицом сужения гражданского пространства: благодаря адаптивному предоставлению услуг, мониторингу под руководством местных сообществ, созданию коалиций, стратегическому судебному процессу и взаимодействию с международными правозащитными механизмами сообщества продолжают отстаивать свои права, фиксировать причиняемый вред и влиять на политические процессы, несмотря на растущие ограничения. Эти меры подчеркивают как стойкость движений, возглавляемых местными сообществами, так и важность постоянной поддержки адвокации, основанной на фактах, в условиях ограничивающей среды.

Наконец, **защита от актов преследования** остаётся непоследовательной. Задокументированные случаи в **Армении и Украине** свидетельствуют о продолжающемся целенаправленном насилии в отношении ЛГБТКИ+ людей и недостаточных мерах по расследованию таких эпизодов и привлечению к ответственности виновных лиц. В ряде представленных материалов указывается, что стигма, страх возмездия и отсутствие доверия к государственной системе приводят к тому, что люди, столкнувшиеся с нарушением своих прав или насилием, отказываются от обращения в правоохранительные органы за защитой. Это подрывает доступ к правосудию, ослабляет доверие к государственным институтам и препятствует обращению за необходимыми медицинскими услугами.

В совокупности эти выводы подтверждают, что ограничения гражданского пространства действуют не изолированно, а пересекаются и усиливают структурные уязвимости, с которыми сталкиваются ключевые группы населения. В результате организации под руководством сообществ в регионе работают в атмосфере ограниченной безопасности, видимости и легитимности, что ставит под угрозу как их текущую деятельность по оказанию услуг, так и долгосрочную устойчивость.

В то же время анализ демонстрирует, что организации сообществ в регионе не остаются пассивными в условиях сужающегося гражданского пространства. Посредством адаптации моделей предоставления услуг, мониторинга силами сообществ, построения коалиций, стратегических судебных дел и взаимодействия с международными механизмами по правам человека сообщества продолжают отстаивать права, документировать нарушения и влиять на процессы выработки политики, несмотря на усиливающиеся ограничения. Эти действия демонстрируют как устойчивость сообществ, так и важность постоянной поддержки научно обоснованной адвокации в условиях ограничений.

Рекомендации

Исходя из приведённых выводов и заключений, ниже представлены рекомендации, адресованные трём группам заинтересованных сторон: национальным правительствам, международным и региональным партнёрам, а также организациям гражданского общества и сообществ. Эти рекомендации отражают региональную перспективу и их нужно адаптировать к национальному контексту посредством консультаций с людьми, живущими с ВИЧ, и ключевыми группами населения.

НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ

- **Укреплять защиту основных свобод:** правительствам следует пересмотреть или отменить законодательство, чрезмерно ограничивающее свободу объединения, собраний и выражения мнений, включая законы об «иностранных агентах», «пропаганде», «защите детей», которые ограничивают доступ к законной информации о здоровье и правах. Необходимо обеспечить соблюдение международных обязательств и стандартов в области прав человека;

- **Обеспечить соразмерность и правовую определённость:** расплывчатые правовые формулировки, такие как «пропаганда», «вред детям», «общественная мораль» или «политическая деятельность», должны быть пересмотрены и уточнены для предотвращения произвольного или дискриминационного правоприменения;
- **Гарантировать безопасность маргинализированных сообществ во время публичных мероприятий:** правоохранительные органы должны иметь чёткий мандат и соответствующую подготовку для предотвращения насилия в отношении ЛГБТКИ+ сообществ, людей, употребляющих наркотики, секс-работников*иц и других маргинализированных групп во время собраний. Расследования нападения должны быть своевременными, беспристрастными и эффективными;
- **Устранить репрессивные барьеры в доступе к услугам здравоохранения:** правительствам следует отказаться от подходов, противоречащих международным стандартам: от связанного с ограничением прав наркологического учёта, от уголовной и административной ответственности за индивидуальную секс-работу, а также от криминализации передачи ВИЧ и поставления в опасность инфицирования. Политика в сфере общественного здравоохранения должна основываться на добровольных, конфиденциальных и научно обоснованных подходах;
- **Обеспечить независимость гражданского общества:** порядок регистрации организаций под руководством сообществ необходимо упростить и устранить дискриминационные практики. Административные проверки должны быть прозрачными и осуществляться в рамках законных регуляторных целей, а не использоваться в качестве инструмента давления или запугивания;
- **Укреплять внутреннее финансирование услуг в сфере ВИЧ и для ключевых групп населения:** правительствам следует планировать и постепенно увеличивать внутреннее финансирование для предоставляемых организациями сообществ услуг профилактики, лечения ВИЧ и услуг для ключевых групп населения; при этом переход от международного финансирования к внутреннему не должен приводить к перебоям в оказании услуг или исключению отдельных групп;
- **Признать наличие чувствительных вопросов и особую уязвимость организаций сообществ и гражданского общества, работающих в сфере ВИЧ и с ключевыми группами населения:** правительствам следует признать, что такие организации работают в условиях повышенной чувствительности и риска. Это требует диалога, сотрудничества и адресных мер защиты, а не регуляторных или административных практик, ограничивающих их деятельность или подрывающих доступ маргинализированных сообществ к жизненно важным услугам;
- **Обеспечивать защиту цифрового гражданского пространства:** правительствам следует гарантировать, что регулирование онлайн-контента, образования и коммуникации не приводит к необоснованному ограничению доступа к научно обоснованной информации о здоровье, цифровой адвокации и безопасной коммуникации для организаций сообществ и гражданского общества.

МЕЖДУНАРОДНЫМ И РЕГИОНАЛЬНЫМ ПАРТНЁРАМ, ВКЛЮЧАЯ ДОНОРОВ

- **Обеспечивать устойчивую поддержку организаций сообществ и гражданского общества:** финансирование должно в приоритетном порядке направляться организациям, работающим с ключевыми группами населения, включая те, которые действуют в условиях ограничений. Базовое финансирование и долгосрочная институциональная поддержка остаются критически важными для стабильности и устойчивости;
- **Адаптировать ожидания и механизмы финансирования к приоритетам и реальным условиям работы организаций сообществ и гражданского общества:** механизмы финансирования должны предусматривать безопасные и гибкие схемы субгрантов, корректировку требований к отчётности и публичной видимости, а также учитывать, что некоторые формы адвокации могут быть невозможны в условиях контроля и ограничений;
- **Интегрировать мониторинг гражданского пространства в программы здравоохранения:** региональным и глобальным партнёрам, включая Глобальный фонд, ЮНЭЙДС и ВОЗ, следует признать, что сужение гражданского пространства напрямую влияет на доступ к услугам и их непрерывность, и включать показатели гражданского пространства в процессы программного мониторинга и технической помощи;
- **Поддерживать мониторинг и механизмы подотчётности под руководством сообществ:** донорам и партнёрам следует финансировать и институционализировать мониторинг под руководством сообществ в отношении нарушений прав, барьеров в доступе к услугам и практик правоприменения, как ключевой компонент программ по ВИЧ и ТБ, и обеспечить использование этих данных в политическом диалоге и при принятии программных решений;
- **Оказывать техническую поддержку в сфере правовых и политических реформ:** международным партнёрам следует содействовать приведению национального законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека, включая проведение оценок правовой среды, организацию диалога и развитие потенциала судебных и правоохранительных органов;
- **Поддерживать цифровую безопасность:** с учётом роста цензуры в интернете и контроля над цифровой образовательной деятельностью донорам следует инвестировать в обучение цифровой безопасности и предоставление безопасных инструментов коммуникации для организаций сообществ и активистов.

ОРГАНИЗАЦИЯМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СООБЩЕСТВ

- **Укреплять коллективную адвокацию и межсекторальные коалиции там, где это возможно:** с учётом пересекающихся ограничений, затрагивающих ключевые группы населения, коалиции между ЛГБТКИ+ организациями, сетями снижения вреда, феминистскими инициативами, организациями секс-работников*иц и правозащитниками способствуют повышению устойчивости и видимости;

- **Сохранять и восстанавливать координацию и доверие в условиях ограничений:** там, где открытые коалиции становятся небезопасными, организациям следует уделить внимание построению неформальных сетей, созданию пространств для совместного обучения и реализации непубличных форм сотрудничества, чтобы предотвратить фрагментацию и сохранить солидарность;
- **Усилить документирование нарушений прав:** систематический сбор данных о насилии, дискриминации, произвольном правоприменении и административных барьерах укрепляет национальную адвокацию и региональную отчётность. Ключевую роль играет партнёрство с организациями, оказывающими правовую помощь, и независимыми СМИ;
- **Усилить планирование безопасности и цифровую защиту:** организациям под руководством сообществ следует внедрять протоколы безопасности, практики цифровой защиты и стратегии снижения рисков в повседневную деятельность, особенно при работе в условиях ограничений или в онлайн-пространстве;
- **Использовать стратегические судебные дела и механизмы правовой защиты:** там, где это возможно и безопасно, организациям следует инициировать прецедентные дела, конституционные жалобы или обращения в международные органы для оспаривания дискриминационных норм и практик. Обучение правовой грамотности может способствовать расширению возможностей членов сообществ в защите своих прав;
- **По мере возможности поддерживать конструктивный диалог с органами власти:** даже в условиях ограничений взаимодействие с местными органами власти, муниципальными структурами или профильными министерствами (здравоохранения, труда, социальной защиты и другими) может способствовать сохранению пространства для оказания услуг и снижению рисков для организаций, работающих с ключевыми группами населения;
- **Обеспечивать непрерывность услуг под руководством сообществ в условиях ограничения открытой адвокации:** организациям, сократившим публичную адвокацию, следует сосредоточиться на поддержании основных услуг в сфере здравоохранения, снижения вреда, психосоциальной поддержки и взаимопомощи, интегрируя правозащитные подходы в менее заметные формы деятельности;
- **Пересматривать подходы к расширению возможностей сообществ в условиях сужающегося гражданского пространства:** стратегии расширения возможностей должны включать развитие лидерства внутри сообществ, укрепление устойчивости, системы взаимной поддержки и локальные механизмы решения проблем, обеспечивая сохранение организованности и вовлечённости сообществ даже в условиях ограничений.

harmreductioneurasia.org

facebook.com/EHRAssociation

info@harmreductioneurasia.org

